

Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках¹

Тюркские заимствования в финно-угорских языках с XVIII в. [Strahlenberg 1730: 346; Миллер 1791: 27] исследовались как финно-угроведами, так и тюркологами; перечислим некоторые работы, посвященные данной проблеме: [Beke 1914—1915, 1935; Donner 1924; Fuchs 1937; Gombocz 1908, 1912; Kannisto 1925; Paasonen 1902; Räsänen 1920, 1923, 1935, 1936; Rédei, Róna-Tas 1983; Дыбо 2007, 2009, 2010; Норманская 2008]. Однако надо отметить, что в большей части этих исследований в полной мере не было проведено разграничение разных источников и этапов заимствования, сделанное на основании строгих фонетических критериев.

Представляется, что для дальнейшего исследования тюркских заимствований в финно-угорских языках необходимо четкое описание источника заимствования и правил фонетической адаптации фонем в уже известных заимствованиях. Это важно как для периодизации контактов, так и для будущих исследований, потому что в ряде случаев без четких фонетических критериев невозможно точно определить, является ли слово заимствованием или нет.

В настоящей статье мы рассматриваем слова, заимствованные из тюркских языков в финно-угорские: мордовские, марийский, удмуртский, хантыйский, мансийский и венгерский. Для каждого языка приводится краткое описание нетривиальных правил отражения гласных и согласных звуков (релевантных для периодизации заимствований), сделанное на полном материале известных этимологий². На основании анализа выявленных закономерностей устанавливаются возможные источники тюркских заимствований в финно-угорских языках и этапы их появления.

1. Мордовские языки

Татарские заимствования

С конца XIX в. тюркские заимствования в мордовских языках неоднократно подвергались специальным исследованиям. В 1897 г. вышла в свет работа Х. Паасонена «Тюркские заимствования в мордовских языках» [Paasonen 1897]. В своем исследовании автор поделит тюркские заимствования в мордовских языках на три группы: 1) заимствования из чувашского языка; 2) заимствования из татарского языка; 3) тюркские заимствования, происхождение которых неясно. Х. Паасонен проанализировал эти группы тюркизмов и в конце монографии дал словарь тюркских заимствований в мордовских языках. Более полный список заимствований представлен в сравнительно недавно опубликованном словаре [Paasonen 1990—1996]. В 1929 г. появилась статья П. Равилы «Некоторые татарские заимствования в мордовском» [Ravila 1929]. В 1965 г. вышла статья А. П. Феоктистова «К вопросу мордовско-тюркских языковых контактов» [Феоктистов 1965].

Наиболее подробное описание тюркских заимствований в мордовских языках было сделано в кандидатской диссертации Н. В. Бутылова «Тюркские заимствования в мордовских языках» [Бутылов 1998]. Большинство примеров заимствований, перечисленных ниже, взяты из этой работы. В своей диссертации Н. В. Бутылов описал фонетическую субституцию чувашских и татарских заимствований в мордовских языках. К сожалению, эта часть работы представляется наименее информативной: в ряде случаев автор не может установить точный источник заимствования (чувашский или татарский язык), иногда в недостаточной степени обращается к данным о звуковом облике слов в татарских диалектах, не указывает, является ли слово исконным в тюркских языках или заимствовано из иранских языков. Вследствие недостаточно тщательной проработки этимологий в главе, посвященной фонетической адаптации, для

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-04-00269 «Реконструкция названий предметов материальной культуры в мордовских языках» и программы ОИФН «Типологическое и историческое изучение языковых явлений в их соотношении с культурной эволюцией, реконструкция культуры по данным языка» (проект «Реконструкция названий одежды в уральских и алтайских языках»).

² В мордовских языках были проанализированы заимствования, собранные в работах [Paasonen 1990—1996; Бутылов 1998], в марийском — в [Räsänen 1935], в удмуртском — в [Wichmann 1987; Тараканов 1993], в хантыйском — в [DEWOS], в мансийском — в [Munkácsi, Kálmán 1986; Kannisto 1925], в венгерском — в [WOT].

каждой тюркской фонемы приводится около пяти и более возможных отражений в мордовских языках. При более тщательном отслеживании этимологий чувашских и татарских слов, а также их диалектных вариантов удастся показать достаточно единообразное отражение чувашских и двойное отражение татарских гласных в мордовских языках. Как будет показано ниже, последнее, вероятно, связано с двумя периодами заимствования татарских слов в мордовские языки.

Учитывая, что изменение системы вокализма началось в татарском языке около XV в., когда изменилось качество пракрыпчакских узких и средних гласных: $*i > e$, $*e > i$, $*u > o$, $*o > u$, $*ï > ö$, $*ö > ü$, — классифицировать татаризмы в мордовских языках по периодам заимствования целесообразно на основании отражения рефлексации гласных. В литературе доказывается, что контакты носителей мокшанского и татарского языков были значительно более интенсивными, чем контакты эрзянского и татарского, что подтверждается и большим количеством татарских заимствований в мокшанском языке [Бутылов 1998]. Поэтому мы предлагаем отдельно рассмотреть рефлексацию гласных звуков в двух типах заимствований: 1) в словах, которые зафиксированы в обоих мордовских языках или только в эрзянском; 2) в словах, которые зафиксированы только в мокшанском языке.

В таблицах ниже представлены результаты анализа, проведенного на корпусе заимствованной лексики, собранном в [Raasonen 1990—1996; Бутылов 1998]; для каждого звука по возможности приведено несколько примеров.

Таблица 1

**Отражение гласных в татарских заимствованиях,
представленных в обоих мордовских языках или только в эрзянском языке³**

тат.	примеры	эрз.	мокш.
<i>a</i>	мокш., эрз. <i>alaša</i> 'лошадь' < тат. <i>алаша</i> 'лошадь' мокш. <i>ajgər</i> , эрз. <i>ajgor</i> 'жеребец' < тат. <i>айгыр</i> 'жеребец'	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>i</i>	мокш. <i>peřän</i> , эрз. <i>beřän</i> ~ <i>beřeň</i> 'плохой' < тат. <i>бирән</i> 'плохой, обжора' мокш. <i>keřemeđ</i> , эрз. <i>keřemei</i> ~ <i>käřämäd</i> 'божество' < тат. <i>кирәмәт</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
<i>i</i>	мокш. <i>iltems</i> , эрз. <i>iltems</i> 'проводить' < тат. <i>илт-</i> 'отнести, отвести, доставить'	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>ü</i>	мокш. <i>ordadəms</i> , эрз. <i>ordadoms</i> 'осерчать' < тат. <i>үртә-</i> 'дразнить'	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>ü</i>	эрз. <i>ulov</i> 'покойник' < тат. <i>үлү</i> 'смерть'	<i>u</i>	
<i>ö</i>	эрз. <i>uzum</i> 'изюм' < тат. <i>üzem</i> , диал. <i>өзөм</i> 'изюм' мокш. <i>tüs</i> 'цвет' < тат. <i>төс</i> 'цвет'	<i>u</i>	<i>ü</i>
<i>o</i>	мокш. <i>tuřman</i> , эрз. <i>duřman</i> 'враг' < тат. <i>дошман</i> 'враг, злой дух' мокш., эрз. <i>ulav</i> 'воз, подвода' < тат. <i>олау</i> 'подвода'	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>o</i>	эрз. <i>kořma</i> 'кошма' < тат. <i>кошма</i> 'войлочный плащ' мокш. <i>komle</i> , эрз. <i>komula</i> 'хмель' < тат. <i>колмак</i> , диал. <i>қомалақ</i> 'хмель'	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>u</i>	мокш. <i>kože</i> , эрз. <i>koža</i> 'богатый' < тат. <i>хужа</i> 'богатый хозяин' мокш. <i>řolak</i> , эрз. <i>ćolak</i> 'ленивый' < тат. <i>чулак</i> / <i>цулак</i> 'сухорукий' мокш. <i>nokta</i> , эрз. <i>novta</i> 'недоуздок' < тат. <i>нукта</i> 'недоуздок'	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>u</i>	мокш. <i>tugan</i> , эрз. <i>duga</i> 'младший брат' < тат. <i>туган</i> 'родственник, родной'	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>i</i>	мокш., эрз. <i>kujar</i> 'огурец' < тат. <i>кыйар</i> 'огурец'	<i>u</i>	<i>u</i>

Можно сделать вывод, что для татарских узких и средних гласных, зафиксированных в первой группе заимствований (общемордовских или эрзянских): *i*, *u*, *ü*, *o*, — представлены две возможные рефлексации в мордовских языках, вероятно, отражающие характер татарских гласных до и после «преломления». Татарский гласный *o* имеет только одну рефлексацию в мордовских языках, которая демонстрирует ранний старотатарский характер гласного в источниках заимствования: тат. *o* (< ст.-тат. $*u$) > морд. *u*. Как могут быть проинтерпретированы эти результаты? Во-первых, очевидно, что как в общемордовский, так и в эрзянский язык были две волны заимствований, которые, если принимать во внимание датировку процесса «преломления» гласных, предложенную Ф. Ш. Нуриевой на основании анализа старотатарских рукописей [Нуриева 2012], должны были происходить до и после XV в.

³ Здесь и далее в таблицах формы цитируются по [Raasonen 1990—1996], но для экономии места приводятся только первые эрзянская и мокшанская словоформы, данные в словаре.

Таблица 2

Отражение гласных в заимствованиях, представленных только в мокшанском языке

тат.	примеры	мокш.
<i>a</i>	мокш. <i>aru</i> 'чистый' < тат. <i>ару</i> 'чистый'	<i>a</i>
<i>i</i>	мокш. <i>šeiñ</i> 'искусный, умелый' < тат. <i>читен</i> 'сложный, трудный'	<i>e</i>
<i>i</i>	мокш. <i>ima</i> 'желание' < тат. <i>иман</i> 'вера' (арабизм)	<i>i</i>
<i>ö</i>	мокш. <i>suzta</i> 'молочное блюдо' < тат. <i>сөзмә</i> 'то же'	<i>u</i>
<i>o</i>	мокш. <i>konak</i> 'гость' < тат. <i>конак</i> 'гость'	<i>o</i>
<i>ü</i>	мокш. <i>gubon</i> 'вздутый' < тат. <i>кубен-</i> 'вздуваться'	<i>u</i>
<i>u</i>	мокш. <i>košardoms</i> 'заставлять' < тат. <i>куш-</i> 'велеть'	<i>o</i>

Интересно, что и в заимствованиях второй группы, отражающих сепаратные мокшанско-татарские контакты, есть указания на два периода заимствования, т. к. татарские узкие гласные *i*, *u* имеют двойное отражение в мокшанском языке, указывая на то, что часть слов была заимствована из раннего старотатарского языка до XV в. (тат. *i* > морд. *e*, тат. *u* > морд. *o*, тат. *ö* > морд. *u*), а другие — из позднего старотатарского после XV в. или современного татарского языка (тат. *i* > морд. *i*, тат. *u* > морд. *u*, тат. *o* > морд. *o*). Итак, можно сделать вывод, что заимствования как в эрзянский, так и в мокшанский языки были и до, и после XV в.

Исследование фонетических особенностей чувашских заимствований в мордовских языках должно быть продолжено в будущем, поскольку в настоящее время выявлено незначительное количество слов, про которые с уверенностью можно сказать, что они заимствованы в мордовские языки из чувашского, а не из татарского языка. На их материале не удается составить целостное впечатление о языке-источнике заимствований чувашского типа в мордовских языках.

2. Марийский язык

2.1. Булгарские заимствования

Чувашские заимствования в марийском языке уже неоднократно привлекали внимание ученых [Веке 1933, 1935; Bereczki 1992, 1994; Räsänen 1920; Мудрак 1994; ЭСЧЯ 1996]. Традиционно считается, что в основном в марийский язык слова были заимствованы из современного чувашского языка [Bereczki 1992, 1994; Мудрак 1994] или из позднебулгарского, фонетическая система которого была во многом идентична современной чувашской [Räsänen 1920]. Однако развитие гласных фонем в марийских заимствованиях, по мнению ряда ученых [Bereczki 1992, 1994], не поддается системному описанию. Обычно это объясняется позднейшими марийскими инновациями в системе вокализма.

Приведем лишь один пример, иллюстрирующий неоднозначность соответствий фонем в словах чувашского языка и в заимствованиях этих слов в марийский язык. Чувашская редуцированная фонема *ě* в заимствованных словах может соответствовать любому прамарийскому редуцированному гласному:

- 1) **ï* — мар. Л *kivár* 'мост; пол', мар. Г *káver* 'мост' < чув. *кёпер* 'мост' [ЭСЧЯ 1996, 1: 276];
- 2) **i* — мар. Г *инзык*, *ёнзык* 'сосать' < чув. *ём-* 'сосать' [ЭСЧЯ 1996, 1: 149];
- 3) **ü* — мар. Л *šupa-*, мар. Г *šipa-* 'предлагать, потчевать' < чув. *сён-* 'понуждать, навязывать' [ЭСЧЯ 1996, 2: 43].

На основании этого Г. Берецки делает вывод, что марийские редуцированные гласные возникли после распада прамарийского языка и притока чувашских заимствований. По его мнению, как раз проникновение чувашских заимствований в марийский язык и спровоцировало появление в последнем редуцированных (или сверхкратких) гласных фонем.

Однако важно, что не только редуцированные фонемы, но и гласные полного образования в марийских заимствованиях неоднозначно соответствуют современным чувашским фонемам (например, чувашская фонема *i* может соответствовать прамарийской **e* или **ï*).

Мы предполагаем, что источником заимствований был не современный чувашский, а язык, в котором система фонем отличалась от современной чувашской. Она реконструируется как бы на стыке пратюркской и чувашской фонетических систем, а надежность ее реконструкции подтверждается марийскими заимствованиями. Ниже представлен инвентарь гласных фонем этой системы:

- 1) ПТю **e*, **ě* > булг. **a* > мар. **á*, чув. *a*;
- 2) ПТю **a*, **ā*, **o* > булг. **o* > мар. **ɔ*, чув. *o*;
- 3) ПТю **i* > булг. **i* > мар. **i*, чув. *ä*, *ë*;

- 4) ПТю **u*, **ū*, **o*, **-ō-* > **булг.** **u* > мар. **ǔ*, чув. *ǔ*;
 5) ПТю **-ō-*, **-ō̄-*, **ū*, **ū̄*, **o* > **булг.** **ū* > мар. **ǔ*, чув. *ǔ̄*;
 6) ПТю **-ō-*, **ū* > **булг.** **ō* > мар. **ō*, чув. *ū*;
 7) (ПТю **-ō-* > **булг.** **vi* > мар. **vi*, чув. *vě*)⁴;
 8) ПТю **e* > **булг.** **i* > мар. **i*, чув. *i*;
 9) ПТю **a* > **булг.** **a* > мар. **e*, чув. *i*, *i*;
 10) ПТю **ej* > **булг.** **e* > мар. **e*, чув. *i*.

В работе [Норманская 2008] был проведен полный анализ этой системы на материале заимствований в марийском языке, собранных в словаре [ЭСЧЯ 1996]. В результате анализа был получен следующий результат: система согласных в марийских заимствованиях сходна с системой консонантизма как в волжско-булгарском, так и в современном чувашском языке⁵. Исключение составляет развитие пяти пратюркских фонем: ПТю **-g-*, **-ŋ-*, **-j-*, **-q-*, **s*.

На основании изучения рефлексов этих фонем в языке болгарских эпитафий, в современном чувашском и в заимствованиях в марийский язык мы пришли к следующему выводу. В болгарских заимствованиях в марийском языке предлагается выделять два этапа: **мар. 1** — заимствования до XIV в. (одновременно с созданием волжско-булгарских эпитафий); **мар. 2** — заимствования позже XIV в.

Таблица 3

**Сравнение согласных в марийских заимствованиях из болгарского языка
с согласными в языке волжско-булгарских эпитафий**

XIV в.	ПТю * <i>-g-</i>		ПТю * <i>-ŋ-</i>		ПТю * <i>-j-</i>		ПТю * <i>K-</i> ⁶		ПТю * <i>-s-</i>	
	мар. <i>ɣ</i>	эпит. <i>j_ V</i> пер. р., <i>w_ V</i> зад. р.	мар. <i>ŋ</i>	эпит. <i>ŋ</i>	мар. <i>ʃ</i>	эпит. <i>ʒ/č</i>	мар. Л <i>k-</i> , мар. Г <i>x-</i>	эпит. <i>x</i>	мар. <i>ʃ</i>	эпит. <i>s</i>
позже XIV в.	мар. <i>ɣ</i>		мар. <i>ŋ</i>		мар. <i>s</i>		мар. Л <i>∅</i> , мар. Г <i>x</i>		мар. <i>s</i>	
чув.	<i>ɣ</i>		<i>ŋ</i>		<i>ś</i>		<i>χ</i>		<i>s</i>	

Из Таблицы 3 видно, что болгарские заимствования в марийском языке целесообразно разделять на два этапа — на основании отражения ПТю **-j-*, **K-*, **s* в языке-источнике. В языке-источнике более ранних заимствований в марийский язык рефлексy этих фонем, вероятно, были практически идентичны рефлексам ПТю **-j-*, **K-*, **s* в языке волжско-булгарских эпитафий. В более позднем слое заимствований рефлексy указанных фонем в языке-источнике сходны с их аналогами в современном чувашском языке.

Археологические материалы (ср. работы Т. Б. Никитиной, А. П. Руденко, С. Г. Кляшторного, А. П. Смирнова, М. Г. Ивановой, Э. А. Савельевой, А. Х. Халикова, Т. А. Хлебниковой, М. А. Белавина, В. А. Иванова, Е. П. Казакова) также подтверждают высказанную нами гипотезу об активных лингвистических контактах волжских болгар и марийцев.

Эти данные, доказывающие разную степень интенсивности контактов марийцев и болгар на протяжении XI—XIV вв., позволяют нам вернуться к интерпретации различного отражения ПТю **-g-* и **K-* в языке эпитафий и в языке-источнике раннего слоя марийских заимствований. С точки зрения лингвистики равновероятными представляются две гипотезы:

1) заимствования имели место ранее XIV в., язык-источник древнего слоя марийских заимствований был предком волжско-булгарского языка эпитафий;

2) по мнению М. Эрдаля, волжско-булгарский язык эпитафий был языком городских болгар, а настоящим предком современного чувашского бы л очень близкий диалект лесных болгар, не зафиксированный письменно; можно предположить, что марийские заимствования происходили из языка лесных болгар, в котором рефлекс ПТю **-g-* представлен как *ɣ*.

⁴ Существование в языке-источнике марийских заимствований отдельной фонемы для этого ряда соответствий кажется маловероятным, поскольку такие соответствия встречаются исключительно в начале слова и дополнены распределены с инлаутными рефлексами ПТю **ō*.

⁵ Подробный анализ рефлексов чувашского консонантизма в марийских заимствованиях см. в [Räsänen 1920].

⁶ Здесь и далее имеется в виду ПТю **K-* в словах с гласным заднего ряда в первом слоге. В словах с гласным переднего ряда ПТю **K-* без изменений сохраняется как в волжско-булгарском и чувашском языках (*k-*), так и в языке-источнике марийских заимствований (*k-*).

Однако данные археологии, по которым наиболее интенсивные контакты марийцев и болгар имели место в XI в., т. е. раньше периода создания волжско-болгарских эпитафий, позволяют предпочесть первую гипотезу о том, что язык-источник древнего слоя марийских заимствований был предком волжско-болгарского языка эпитафий.

2.2. Татарские заимствования

Основной работой, посвященной татаризмам в марийском языке, до сих пор остается [Räsänen 1923]. Татаризмы отмечаются и в незаконченном словаре [Гордеев 1979—1983]. Важное место отведено этому вопросу в книге [Исанбаев 1990]; см. также его статью [Исанбаев 1978]. Татаризмы в марийском языке рассматриваются также в книге [Шайхулов 1999]. Хорошо проанализированный материал извлекается из книг [Ахметьянов 1981, 1989]. Надо сказать, что материал можно значительно дополнить с помощью нового четырехтомного этимологического словаря татарского языка, составленного Р. Г. Ахметьяновым [Ахметьянов 2004]. К сожалению, ни в одной из этих работ нет специального рассмотрения правил фонетической адаптации татаризмов в марийском языке и попыток их периодизации или пространственной классификации на этом основании. Ниже мы предпринимаем такую попытку на основании пилотного просмотра максимально полного материала по татаризмам в марийском языке, извлеченного из всех упомянутых выше работ.

Таблица 4

Отражение гласных в татарских заимствованиях, представленных в марийском языке⁷

тат.	примеры	мар.
<i>a</i>	мар. Г <i>ávyzi</i> 'неряха; нечистоплотный, грязный человек' < тат. <i>ачык авыз</i> 'растяпа' мар. <i>azú</i> 'клык' < тат. <i>azaу</i> 'клык' мар. Г <i>jáštýk</i> 'клин в одежде' < тат. <i>ястык</i> 'перина, подушка'	<i>a</i>
<i>ä</i>	мар. В <i>ákamät</i> 'потеха, диво; странности; приключение' < тат. <i>экәмәт</i> 'потеха, диво; странности; приключение'	<i>ä</i>
<i>i</i>	мар. <i>jémyž</i> 'плоды, ягоды, фрукты' < тат. <i>жымеш</i> , диал. <i>йемеш</i> 'плоды, ягоды, фрукты' мар. В <i>eták</i> 'кайма (узкая полоса материи, нашитая на полу платья)' < тат. <i>itek</i> 'подол, юбка'	<i>e</i>
<i>i</i>	мар. <i>inanaš</i> 'верить' < тат. <i>инан-у</i> 'искренне верить' мар. <i>šizaš</i> 'чувствовать' < тат. <i>сиз-ү</i> 'почувствовать'	<i>i</i>
<i>o</i>	мар. <i>pota</i> 'тканый кушак' < тат. <i>pita</i> 'широкий пояс' мар. <i>kotyр</i> 'короста' < тат. <i>кутыр</i> 'короста'	<i>u</i>
<i>o</i>	мар. <i>korsak</i> 'селезенка' < тат. <i>корсак</i> 'живот, брюхо'	<i>o</i>
<i>ö</i>	мар. <i>kürt</i> 'наст' < тат. <i>көрт</i> 'сугроб' мар. В <i>tüé</i> 'верблюд' < тат. <i>дөя</i> 'верблюд'	<i>ï</i>
<i>ï</i>	мар. <i>kötyrmá</i> 'колодка' < тат. <i>күтәрмә</i> 'колодка' мар. <i>pölek</i> 'дар, подарок' < тат. <i>пүләк</i> 'подарок'	<i>ö</i>
<i>ï</i>	мар. <i>šütaš</i> 'развязать' < тат. <i>сүт-ү</i> 'распарывать' мар. <i>kürcýk</i> 'подушка' < тат. <i>күрсек</i> 'маленькая подушка'	<i>ï</i>
<i>u</i>	мар. <i>pólyš</i> 'помощь' < тат. <i>булыш</i> 'помощь' мар. Г <i>joj</i> 'хитрый' < тат. диал. <i>жуй</i> — вторая часть парного слова <i>уй-жуй</i> 'замысел (недобрый); хитросплетение; козни'	<i>o</i>
<i>u</i>	мар. <i>nukta</i> 'недоуздок' < тат. <i>нукта</i> 'недоуздок' мар. <i>purlý</i> 'чалый' < тат. <i>бурлы</i> 'чалый'	<i>u</i>
<i>i</i>	мар. В <i>jýlut</i> 'невод, трал, мрежи' < тат. диал. <i>жылым</i> 'невод, трал, мрежи'	<i>i</i>

Мы видим здесь картину дублирования соответствий в области действия «татарского перелома», схожую с ситуацией отражения вокализма в татарских заимствованиях в мордовских языках. Очевидно, что более ранним слоем являются заимствования до «перелома»: в них, в частности, тат. *ž-* и *j-* отражаются единообразно как мар. *j-*, а тат. *b-* обычно дает мар. *p-*. В более поздних заимствованиях, где «перелом» уже прошел, тат. *ž-* отражается как мар. *ž-*, а тат. *b-* может адаптироваться как мар. *w-*.

⁷ В Таблице 4 татарские формы цитируются по [Ахметьянов 2004], марийские — по [МРС 1991], но в латинской транскрипции. В Таблице 4 приводятся не все возможные рефлексии, а только те, на которые есть более трех примеров.

3. Удмуртский язык

3.1. Булгарские заимствования

Чувашские заимствования в удмуртском языке были предметом многих исследований: полную библиографию см. в работе [Тараканов 2012]; в первую очередь следует отметить статьи [Лыткин 1967; Федотов 1965, 1967, 1968, 1969, 1978]. Наиболее четкое описание фонетических особенностей языка-источника заимствований «чувашского типа» в удмуртском языке сделано в статье [Rédei, Róna-Tas 1983]. Проанализировав отражение звуков в удмуртских и коми диалектах, авторы статьи пришли к тому же выводу, который был получен в [Норманская 2008] при анализе заимствований «чувашского типа» в марийском языке: язык-источник этих заимствований с точки зрения фонетических особенностей находится между пратюркским и современным чувашским, видимо, он являлся одним из диалектов болгарского языка.

В *Таблице 5* мы, пользуясь материалами статьи [Rédei, Róna-Tas 1983], приведем основные отличия языка-источника болгарских заимствований в пермских языках от чувашского.

Таблица 5

Особые фонетические признаки языка-источника болгарских заимствований в пермских языках

ПТю	болгарский язык	чувашский язык	пермские языки
*ŋ	*ŋ	n	ŋ
*lč	*-š	-ś	-ś
*č	*č- ~ *ś-	ś-	č- ~ ś-
*a	*â	(B) o, (A) u	a, ? o
*o	*u	(B) ō, (A) ō	u
*u	*ÿ	(B) ō, (A) ō	u
*i, *i	*ĩ	ě	i
*ü	*ÿ	(B) ō, (A) ě	u, o

Как и в случае марийского, отличительные особенности в болгарских заимствованиях в пермских языках в большей степени видны при исследовании гласных.

В статье [Rédei, Róna-Tas 1983] предложенные ряды соответствий построены только на материале тех болгаризмов, которые зафиксированы как в удмуртских, так и в коми-пермяцких и северных зырянских диалектах. Как справедливо указывают авторы статьи, практически ни в одном из этих случаев нельзя надежно утверждать, что заимствование произошло в прапермский язык, а не в удмуртский, а потом в результате контактов носителей удмуртского и коми языков проникло в северные коми диалекты. Однако предполагается, что эти заимствования могли иметь место не позднее IX—X вв. н. э., поскольку позже носители коми-пермяцкого языка и северных диалектов коми-зырянского уже не имели прямых контактов. По этой причине в статье к анализу привлекается весьма ограниченный материал заимствований «чувашского типа» в пермских языках, т. е. только те слова, про которые с уверенностью можно утверждать, что они принадлежат к самому древнему слою. Представляется, что столь же тщательный фонетический анализ сепаратных заимствований «чувашского типа» в удмуртском и коми языках позволит уточнить наши знания о взаимодействии болгар и пермских народов и либо выявить несколько стадий заимствования, либо увеличить объем примеров, на которых построена вышеприведенная система соответствий.

Как, с точки зрения истории и лингвистики, следует датировать самые древние контакты болгар и пермских народов, кратко описанные выше? В статье [Rédei, Róna-Tas 1983] указывается, что в этих заимствованиях представлена более поздняя стадия развития языка, чем в венгерских болгаризмах, но более ранняя, чем в марийских. Период заимствования предлагается датировать VIII—IX вв. н. э.

Можно согласиться с тем, что венгерские заимствования (во всяком случае, первого этапа) были раньше пермских, т. к. в них отражен более архаичный этап болгарского языка; подробнее см. [Дыбо 2009, 2010]. Но, как нам представляется, нет оснований считать, что в марийском отражен более ранний слой заимствований, чем в пермских языках.

3.2. Татарские заимствования

Анализу татарских заимствований в удмуртском языке посвящено значительное количество исследований. Наиболее полный список заимствований собран в двух источниках: в монографии [Тараканов 1993] подробно описаны заимствования в южноудмуртских диалектах, но рефлексy этих слов в северных и

срединных диалектах отмечены не всегда; в диалектном словаре удмуртского языка [Wichmann 1987], напротив, хорошо описана рефлексация слов в северных и срединных диалектах, а информация по южноудмуртским говорам приводится гораздо менее подробно, чем в современных работах. Таким образом, наиболее полные сведения о представленности татарских заимствований в удмуртских диалектах можно извлечь, соединяя информацию, собранную в [Тараканов 1993] и [Wichmann 1987].

На основании этого материала можно сделать вывод, что существует несколько типов заимствований: 1) слова, представленные во всех удмуртских диалектах; 2) слова, представленные только в северных и / или срединных диалектах; 3) слова, представленные только в южных диалектах. Как указывает И. В. Тараканов, наиболее многочисленной является третья группа — заимствования в южноудмуртских диалектах, носители которых в настоящее время имеют контакты с татарским населением.

Что можно сказать о времени заимствования и о языке-источнике слов из первой и второй групп? Совпадает ли он с языком-источником слов из третьей группы или отличается? Ответить на эти вопросы можно, проанализировав фонетические особенности удмуртских слов.

Как уже было показано выше, при разборе тюркских заимствований в мордовские языки, основным фонетическим изменением, отличающим ранний старотатарский язык от современного татарского, является «преломление» гласных, т. е. переход гласных, который, по данным [Нуриева 2012], начался в XV в.: $*i > e$, $*e > i$, $*u > o$, $*o > u$, $*\ddot{u} > \ddot{o}$, $*\ddot{o} > \ddot{u}$. Соответственно, для татарских заимствований в каждой из удмуртских групп можно попытаться определить, какой гласный был в первом слоге слова из языка-источника, совпадал ли он с ранним старотатарским или с современным татарским языком.

В результате проведенного анализа была выявлена интересная закономерность отражения татарских гласных, подвергшихся «преломлению», в тех словах, которые представлены во всех удмуртских диалектах или только в южных говорах. Оказалось, что для всех этих гласных зафиксированы два возможных отражения в удмуртском языке. В *Таблице 6* приведены примеры слов для всех возможных адаптаций узких и средних татарских гласных в южных диалектах удмуртского языка.

Таблица 6

Отражение татарских гласных при заимствовании в южноудмуртские диалекты⁸

соответствие	татарский язык	южноудмуртские диалекты
$i > e$	<i>биз</i> 'железа' <i>дистэ</i> 'десяток' <i>киҗе</i> 'хлопок'	<i>bez</i> 'железа' <i>đesta</i> 'десяток' <i>kežə</i> 'хлопок'
$i > i$	<i>бирән</i> 'обжора' <i>инде</i> 'уже' <i>интек-</i> 'мучиться'	<i>biran</i> 'обжора' <i>iñi</i> 'уже' <i>iñtagaṇa</i> 'мучиться'
$ə > e$	<i>пәри</i> 'нечистая сила' <i>сәндәрә</i> 'полати'	<i>peri</i> 'нечистая сила' <i>sendra</i> 'полати'
$e > i$	<i>генэ</i> 'только' <i>кесә</i> 'карман' <i>кендек эбисе</i> 'повивальная бабка'	<i>gine</i> 'только' <i>kisj</i> 'карман' <i>kindikej</i> 'повивальная бабка'
$u > u$	<i>буга</i> 'бык' <i>кувыч</i> 'голенище' <i>курай</i> 'музыкальный инструмент'	<i>buga</i> 'бык' <i>kuniš</i> 'голенище' <i>kuraj</i> 'музыкальный инструмент'
$u > o$	<i>бусага</i> 'порог' <i>умыр-</i> 'вырвать' <i>узгар-</i> 'измениться'	<i>bozgo</i> 'порог' <i>omjrañj</i> 'черпать' <i>ozgarəna</i> 'измениться'
$o > o$	<i>боерок</i> 'приказ' <i>оста</i> 'мастер'	<i>bojorok</i> 'приказ' <i>osto</i> 'Господи'
$o > u$	<i>богла-</i> 'заковать' <i>йончу</i> 'природа' <i>йонч-</i> 'утомляться'	<i>bugoulavñj</i> 'заковать' <i>žunčjk</i> 'природа' <i>žunčini</i> 'придираться'
$\ddot{u} > \ddot{o}$	<i>бүлек</i> 'комнатка' <i>кугән</i> 'пробой' <i>кузлек</i> 'очки'	<i>bölet</i> 'комнатка' <i>kögän</i> 'крючок' <i>közlək</i> 'очки'

⁸ В *Таблице 6* формы цитируются по [Тараканов 1993], но для экономии места приводится только первая диалектная форма.

соответствие	татарский язык	южноудмуртские диалекты
<i>ï > ü</i>	<i>сүрел</i> 'разочароваться' <i>үлэксә</i> 'живой труп' <i>үлэт</i> 'падеж, мор'	<i>sürälänä</i> 'разочароваться' <i>ülaksa</i> 'живой труп' <i>ülät</i> 'падеж'
<i>ö > ü</i>	<i>дөге</i> 'рис' <i>дөрлә</i> 'гореть' <i>дөрес</i> 'верный'	<i>dügü</i> 'рис' <i>dür lanä</i> 'гореть с гудением' <i>düräs</i> 'верный'
<i>ö > ö</i>	<i>өрәк</i> 'привидение'	<i>örekčänj</i> 'обмануть'

Этот факт может быть объяснен как возникший вследствие двух этапов заимствования татарских слов в удмуртский язык. Первый этап имел место до «преломления» гласных, в заимствованиях этого периода наблюдаются соответствия: ст.-тат. **e* (> тат. *u*) > удм. *e*, ст.-тат. **i* (> тат. *e*) > удм. *i*, ст.-тат. **o* (> тат. *y*) > удм. *o*, ст.-тат. **ö* (> тат. *ü*) > удм. *ö*, ст.-тат. **ü* (> тат. *ö*) > удм. *ü*.

Во второй группе источником заимствования были уже современные татарские формы, и поэтому соответствия, наблюдаемые в них, следующие: ст.-тат. **e* > тат. *u* > удм. *i*, ст.-тат. **o* > тат. *y* > удм. *u*, ст.-тат. **ö* > тат. *ü* > удм. *ü*, ст.-тат. **ü* > тат. *ö* > удм. *ö*.

Надо отметить, что в целом, по материалам корпуса, собранного в [Тараканов 1993; Wichmann 1987], в группе слов, рефлексy которых представлены во всех удмуртских диалектах, заимствования из современного татарского языка встречаются крайне редко. Среди тех слов, которые представлены только в южных диалектах, заимствования из старотатарского языка, в котором еще не произошло «преломление» гласных, по-прежнему преобладают, но все же количество заимствованных лексем из современного татарского языка возрастает. Интересно отметить, что эта ситуация кардинально меняется лишь в буйско-таньпшских говорах южного диалекта удмуртского языка, распространенных на территории Башкирии и Татарстана. В них, по материалам [Тараканов 1993], зафиксировано значительное количество заимствований из современного татарского языка.

Совершенно иная картина отражения гласных, подвергавшихся «преломлению», наблюдается в словах, рефлексy которых, по материалам [Тараканов 1993; Wichmann 1987], отсутствуют в южных говорах и зафиксированы только в северных и / или срединных удмуртских диалектах. В этих словах для всех гласных кроме ст.-тат. *o* представлены только старотатарские рефлексy гласных, т. е. отсутствуют заимствования из современных татарских говоров. В *Таблице 7* приводятся примеры возможных отражений татарских гласных верхнего и среднего подъемов в северных и срединных диалектах удмуртского языка.

Таблица 7

**Отражение татарских гласных при заимствовании
в северные и срединные диалекты удмуртского языка⁹**

соответствие	татарский язык	северные и / или срединные удмуртские диалекты
<i>i > e</i>	<i>игез</i> 'сирота' <i>игү</i> 'напильник' <i>кисмәк</i> 'кадка'	<i>egiz</i> 'сирота' <i>eg'u</i> 'напильник' <i>kesmek</i> 'кадка'
<i>e > i</i>	<i>жигәр</i> 'сила' <i>инде</i> 'теперь' <i>черки</i> 'мушка'	<i>d'z'igar</i> 'сила' <i>inde</i> 'теперь' <i>iširikei</i> 'мушка'
<i>u > o</i>	<i>сунар</i> 'охота'	<i>soñeränj</i> 'охотничать'
<i>u > u</i>	<i>буй</i> 'черты лица' <i>буя</i> 'красить' <i>бур</i> 'мел'	<i>buj</i> 'черты лица' <i>bujanj</i> 'красить' <i>bur</i> 'мел'
<i>o > u</i>	<i>Бохар</i> 'бухарский'	<i>bukar</i> 'бухарский'
<i>ü > ö</i>	<i>үлэт</i> 'вред' <i>шүрлек</i> 'полка' <i>түш</i> 'грудь'	<i>ölet</i> 'вред' <i>šörlük</i> 'доска' <i>teš</i> [töš] 'грудь'
<i>ö > ü</i>	<i>көек</i> 'печаль'	<i>kujuk</i> [küjök] 'печаль'

⁹ В *Таблице 7* формы цитируются по [Wichmann 1987], но для экономии места приводится только первая диалектная форма, данная в словаре.

Таким образом, можно сделать вывод, что было, вероятно, два этапа заимствования татарских слов в удмуртские диалекты. На первом этапе старотатарские слова, в которых еще не произошло «преломление» гласных, заимствовались в общеудмуртский и в отдельные северные, срединные и южные диалекты. На втором этапе были заимствованы слова из современных татарских диалектов, предположительно, заимствование происходило только в южноудмуртские диалекты, из которых несколько слов потом проникло в северные и срединные диалекты. Мы предполагаем, что эти слова не были заимствованы в общеудмуртский язык, т. к. практически нет примеров заимствований в северные или срединные диалекты удмуртского из современного татарского языка, которые бы отсутствовали в южноудмуртских диалектах.

4. Хантыйский язык

Сибирско-татарские заимствования

Изучению сибирско-татарских заимствований в хантыйских диалектах, насколько нам известно, были посвящены всего три работы, написанные достаточно давно: [Paasonen 1902; Toivonen 1943—1944; ОФУЯ 1976]. В этих работах собран небольшой список предполагаемых заимствований (около 100 слов). Более представительный список заимствований в настоящее время опубликован В. Штейницем в [DEWOS]. Но, к сожалению, нам неизвестны работы, в которых был бы сделан анализ фонетических особенностей этих заимствований. В рамках настоящей статьи мы остановимся лишь на наиболее ярких особенностях, на основании которых можно принять решение об обоснованности предположения о разных источниках заимствования в отдельные хантыйские диалекты. Следует отметить, что этот вопрос, насколько нам известно, не поднимался в более ранних публикациях.

На основании анализа представленности заимствованных сибирско-татарских лексем в хантыйских диалектах можно выделить три категории слов: 1) заимствования, представленные во всех группах хантыйских диалектов; 2) заимствования, представленные только в восточнохантыйских диалектах; 3) заимствования, представленные только в юго-западных хантыйских диалектах. Последняя группа наиболее многочисленна, поскольку, как указывается в [Могильников 1997], уже с начала II тыс. на Иртыше в чересполосицу жили южные ханты и тарские сибирские татары. Восточные ханты в настоящее время не имеют прямых контактов с сибирскими татарами, но, по преданию, в XVI в. они переселились на территории современного проживания со средней Оби из-за постоянных войн с томскими татарами [Могильников 1997]. В северо-западных диалектах хантыйского языка практически нет сепаратных татаризмов. Про те же татарские слова, которые представлены во всех хантыйских говорах, логично предполагать, что они были заимствованы в более ранний период — еще до распада хантыйского языка на западные и восточные диалекты.

Таким образом, целесообразно проанализировать три предполагаемых источника заимствований в хантыйские диалекты: 1) заимствования в прахантыйский язык (предполагаемый источник неизвестен); 2) заимствования в восточнохантыйские диалекты (предполагаемый источник — томские диалекты сибирско-татарского языка); 3) заимствования в юго-западные хантыйские диалекты (предполагаемый источник — тарский говор тоболо-иртышского диалекта сибирско-татарского языка).

Источники заимствований сложно верифицировать, поскольку, как отмечает Д. Г. Тумашева [Тумашева 2010], в настоящее время основные различия между указанными тоболо-иртышскими и томскими диалектами носят по большей части градуальный характер и касаются в первую очередь оглушения звонких согласных в разных фонетических позициях. К сожалению, именно этот признак не может быть использован при выявлении источника заимствований в разных хантыйских диалектах, т. к. в них нет фонологического противопоставления звонких и глухих согласных (при заимствовании происходило тотальное оглушение звонких согласных).

Особенности вокализма сибирско-татарских говоров для анализа заимствований в хантыйских диалектах также оказываются мало релевантными, поскольку, как показано в работе [Helimski 2001], в прахантыйском языке и в отдельных хантыйских диалектах действовала система умлаута. Практически каждый гласный в том или ином конкретном слове в определенном хантыйском диалекте может являться результатом морфонологических чередований трех различных гласных. Учитывая этот факт, практически невозможно установить, какой именно гласный был в слове-источнике заимствования, и, тем более, соотнести эту информацию с особенностями вокализма сибирско-татарских диалектов, которые тоже варьируются по разным говорам.

Так, на современном этапе изученности сибирско-татарских диалектов о различных источниках заимствований в хантыйские диалекты можно судить лишь на основании анализа фонетических особенно-

стей самих хантыйских слов. С этой целью был проанализирован полный корпус татарских заимствований в хантыйском языке, собранный в [DEWOS]. Оказывается, как это и было отмечено в [Raasonen 1902; Toivonen 1943—1944], в подавляющем большинстве случаев передача сибирско-татарских согласных фонем в хантыйской заимствованной лексике тривиальна и полностью совпадает во всех диалектах, за исключением уже более поздних собственно хантыйских фонетических процессов, затронувших и заимствованную лексику (например, переход $k > \chi$ в ряде диалектов в определенных фонетических позициях [Honti 1999]). Лишь в случае двух татарских фонем их отражение в хантыйском языке существенно отличается от языка-источника и варьируется по диалектам: тат., сиб.-тат. \check{s} и тат. \check{c} , сиб.-тат. c . Поскольку количество заимствованных слов с этими фонемами невелико и они представляют значительный интерес для решения вопроса об источниках заимствований, мы приводим ниже их полный список.

1) тат., сиб.-тат. \check{s}

1. вост., ю.-зап. хант. \check{s} :

arəš (DN, Fil, Kam, Kr, Tš) ‘оглобли’ [DEWOS: 164] < тат. *арыш*, сиб.-тат. (тоб.-ирт., бар.) *арыш* ‘оглобли’ [Тумашева 1992: 28];

šaj (V) ‘платье’ [DEWOS: 243] < тат. *шай*, сиб.-тат. (Күкр., мит.) *шай* ‘одежда, украшения’ [Тумашева 1992: 248];

šäm (Vj), *šam* (DN, DT, Fil, Ts), *šäm* (KoP, Koš, Kr, Sog, Tš) ‘свеча’ [DEWOS: 270] < тат. *шәм*, сиб.-тат. (Кар., Супра, М. Уват) *шәм* ‘свеча’ [Тумашева 1992: 250];

šar (Irt) ‘клятва’ [DEWOS: 300] < тат. *шарт* ‘условие, клятва’;

šatxan (DN, KoP, Ts), *šatxän* (Kr) ‘репа’ [DEWOS: 305] < тат. *шалкан*, сиб.-тат. (тюм.) *шалгам* ‘репа’ [Тумашева 1992: 249];

šättäeman (Kr) ‘прибой’ [DEWOS: 306] < тат. *шылтыра*- ‘бренчать, звенеть’;

jeŋəš (KoP, Kr, Sav) ‘ссориться’ [DEWOS: 386] < тат. *жиңеш*-, башк. *еңеш*- ‘спорить’;

jarəš (DN), *järəš* (DT, Kr) ‘зацепиться’ [DEWOS: 394] < сиб.-тат. (бар.) *йабыш*- ‘зацепиться’ [Тумашева 1992: 64];

kökantaš (Kr) ‘трава, семена которой служат лекарством’ [DEWOS: 606] < сиб.-тат. (юрш., Күкр.) *күгәнтеш* ‘белена’ [Тумашева 1992: 106];

päkläš (Ts), *päkläš* (Kr) ‘округлая дверная ручка’ [DEWOS: 1127] < сиб.-тат. (бар.) *пәкләү* ‘запирать, закрывать’ [Тумашева 1992: 170] (+ стандартный показатель отглагольного имени -š);

tüšak (DN, KoP, Kr, Ts) ‘перина’ [DEWOS: 1397] < сиб.-тат. *түшәк* ‘перина’ [Тумашева 1992: 221].

2. вост. хант. \acute{s} , ю.-зап. хант. \check{s} , T s:

arəš (Vj), *arəš* (DN, Fil, Kam, Koš, Kr), *arəs* (T) ‘рожь’ [DEWOS: 184] < сиб.-тат. *арыш* ‘рожь’ [Тумашева 1992: 28].

3. вост., сев.-зап., ю.-зап. хант. \check{c} :

čäji- (V), *čäjz* (Trj), *čäjə* (DT) ‘правда’ [DEWOS: 245] < сиб.-тат. диал. (южн.-урал.) *шай*, *шэй*, *шайы* ‘правда, похоже, что’ [Ахметьянов 2004: 83].

Как видно из приведенного материала, передача \check{s} в основном единообразна и тривиальна, правда, в этой группе нет примеров на рефлексацию \check{s} в словах, представленных во всех хантыйских диалектах. Не вполне ясно, как следует объяснять отклонение восточнохантыйского рефлекса в слове ‘рожь’. Третья группа, как и вторая, состоит из одного слова, в котором представлена особая рефлексация \check{c} вместо \check{s} . Важно отметить, что это единственное заимствованное слово, рефлексы которого представлены во всех хантыйских говорах. Его интерпретация может быть двойкой. С одной стороны, замещение \check{s} звуком c является характерной особенностью тоболо-иртышских говоров (*pälĭc* < *bälĭš* ‘пирог’), в отличие от томских говоров, в которых происходит обратный процесс — замещение звука \check{c} фонемой \check{s} : *čümĭš* (вместо *čümĭč*) ‘половник’, *qaš* (вместо *qač*) ‘убегай’, *čaš* (*čacš*) ‘волос’ [Тумашева 2010]. С другой стороны, это явление, которое могло бы свидетельствовать о том, что самые ранние заимствования были из говоров, близких тоболо-иртышским, всего одно и может быть проинтерпретировано как русское заимствование слова *чай* ‘вероятно’.

2) тат. \check{c} , сиб.-тат. c

1. вост., ю.-зап. хант. \acute{i} , сев.-зап. хант. \acute{s} :

iĕm- (DN, DT), *iĕmə-* (Kr) ‘замаяться’ [DEWOS: 223] < сиб.-тат. (зап.-сиб.) *ic*: *ic pultim* ‘я замаялся’ [DEWOS: 222] (по устному сообщению Д. Г. Тумашевой); ср. сиб.-тат. (тоб., бар.) *ицү* ‘пить’ [Тумашева 1992: 62] при башк. *эсеү* ‘пить; сильно переживать, хлебнуть горя’;

xõwərmaí (DT) ‘курмач’¹⁰ [DEWOS: 582] < сиб.-тат. (Күкр.) *қурмац* ‘курмач’ [Тумашева 1992: 135];
mǎ́tǎ (DT) ‘своjak’ [DEWOS: 976] < (?) сиб.-тат. *паца* ‘своjak’ [Тумашева 1992: 170];
túkmar (J) ‘сосулька’ [DEWOS: 1503] < сиб.-тат. (М. Уват, Тугыз) *цукмар* ‘сосулька’ [Тумашева 1992: 241];
atǎ- (DN), *ǎ́tǎ-* (DT, Tš), *acǎ-* (Fil), *ǎ́tǎ-* (Коš), *otǎ-* (КоP, Kɾ, Sog, Ts) ‘кислый’ [DEWOS: 225] < сиб.-тат. *ацы* ‘кислый’ [Тумашева 1992: 33];
ǰǎrtǎz (DN, КоP, Ts), *ǰǎrtǎz* (DN, КоP, Ts), *ǰǎrtǎsǎ* (Fil), *ǰǎrtǎtǎ* (Kɾ), *ǰǎrtǎtǎ* (Tš) ‘младший брат жены’ [DEWOS: 412] < сиб.-тат. *йорцы* ‘младший брат жены’ [Тумашева 1992: 83];
tǎjxat (DN, КоP), *tǎjxat* (DT, Kam), *tǎjxat* (Kɾ) ‘полоскать’ [DEWOS: 494] < сиб.-тат. (тоб., бар.) *цайгау* ‘полоскать’ [Тумашева 1992: 232];
tǎjǎn (Vj) ‘большой котел’ [DEWOS: 494] < сиб.-тат. (бар.) *цǎйын* ‘котелок, чугунок’ [Тумашева 1992: 240];
tǎŋ (DN, DT, КоP, Kɾ) ‘колокол’ [DEWOS: 1522] < сиб.-тат. *цаң* ‘колокол’ [Тумашева 1992: 234];
-tǎwrǎk (VT), *-tǎwrǎk* (V) ‘тряпица’, *tǎprǎk* (Tɾj) ‘шарф’, *tǎprek* (J) ‘лоскуток, шарф’, *tǎprǎk* (SalT), *tǎprǎk* (DN, Kɾ) ‘тряпица’, *tǎprǎk* (КоP) ‘лоскуток, шарф’ [DEWOS: 1530] < тат. *чүпрәк*, сиб.-тат. *цүбәк* ‘тряпка’ [Тумашева 1992: 242];
tǎr (DN, Ts), *šǎr* (DT, Коš, Kɾ), *šǎr* (КоP) ‘точило’ [DEWOS: 1532—1533] < сиб.-тат. (бар., том.) *цар* ‘точило, брусок’ [Тумашева 1992: 234];
tǎrǎk (Mj, Tɾj), *tǎrǎx*, *tǎrǎk* (SalT), *šǎrǎx* (Ni) ‘крутой, круто свитый’ [DEWOS: 1536] < сиб.-тат. (Күкр.) *цыйрақ* ‘туго скрученная (нитка)’ [Тумашева 1992: 243];
tǎtǎx (SalT), *tǎtǎx* (DN, DT, Kam, КоP, Kɾ), *tǎtǎx* (Kam), *ǎ́tǎx* (Коš, Ts) ‘коса, горбуша’ [DEWOS: 1543] < тат. *чалгы* ‘коса’;
tǎtǎn (DN, КоO), *ǎ́tǎn* (Коš), *ǎ́tǎn* (Kɾ), *tǎtǎn* (Kɾ) ‘ограда’ [DEWOS: 1543] < тат. *читән* ‘плетень’;
tǎtxǎs (DN, КоP), *tǎtxǎs* (DT, Kɾ), *ǎ́txǎs* (Коš) ‘ключ’ [DEWOS: 227] < сиб.-тат. (бар.) *ацкуц*, (я.-кул.) *аткыц* ‘ключ’ [Тумашева 1992: 31, 33];
ǰǎnǎ (Kam, Ко) ‘ленивый’ [DEWOS: 384] < сиб.-тат. (тоб.) *йүнчу*, (тюм.) *йөнцү* ‘худой, заморенный’ [Тумашева 1992: 84, 88];
mǎšǎ (Ni), *mǎšǎ* (Ahl) ‘кошка’ [DEWOS: 976] < тат. *мәче*, сиб.-тат. *мешәк* ‘кошка’ [Тумашева 1992: 151];
tǎir (КоP) ‘шпулька’ [DEWOS: 1532] < сиб.-тат. (Күкр.) *цур* ‘шпулька’ [Тумашева 1992: 242];
xǎraxǎsǎ (Š), *xǎraxǎsi* (Kaz), *xǎraxǎsi* (Ahl) ‘разбойник’ [DEWOS: 553] < сиб.-тат. (тюм., тоб.) *қарақшы* ‘вор’ [Тумашева 1992: 120].

2. ю.-зап. хант. *ǎ́c*:

xǎjǎcǎ (DN, Коš, Tš), *xǎcǎ* (Kɾ, Sog, Ts), *xǎcǎ* (КоP) ‘ножницы’ [DEWOS: 449] < *қайцы* ‘ножницы’ [Тумашева 1992: 115];
xǎnǎcǎ (DN), *xǎnǎcǎ* (КоP) ‘нетель’ [DEWOS: 519] < сиб.-тат. (бар.) *қунацын* ‘нетель’ [Тумашева 1992: 134].

Не всегда понятна передача сиб.-тат. *c* в старых записях хантыйских диалектов: *ǎ́nǎnsi* (Vol), *ǰǎnǎnǰi* (Ahl) ‘попона’ [DEWOS: 396] < сиб.-тат. (тоб.) *йабынцы* ‘одеяло’ [Тумашева 1992: 63].

Анализ передачи тат. *ǎ́*, сиб.-тат. *c* в хантыйском языке показывает, что наиболее частотной является рефлексация вост., ю.-зап. хант. *t̃* ~ сев.-зап. хант. *š*, которая полностью совпадает с рефлексами прахантыйского **ǎ́* в исконной лексике. Таким образом, можно сделать вывод, что заимствования в общехантыйский были из «цокающего» сибирско-татарского диалекта. Вторая группа заимствований в южнохантыйские диалекты дает пример рефлексации, которая не встречается в исконной лексике и похожа на неадаптированную передачу сиб.-тат. *c*. Возможно, в этих случаях речь идет о более поздних заимствованиях.

Таким образом, подводя итоги краткого анализа нетривиальной рефлексации согласных фонем в сибирско-татарских заимствованиях, можно сказать, что в настоящее время не удастся выявить доказательства заимствования в общехантыйский язык и отдельные хантыйские диалекты из разных источников, поскольку в подавляющем большинстве случаев адаптация заимствований либо фонетически однозначна, либо совпадает с рефлексом прахантыйских фонем в исконной лексике. Последняя группа весьма интересна с точки зрения абсолютной и относительной хронологии собственно хантыйских фонетических изменений. Становится ясно, что те из них, которые затронули и сибирско-татарские заимствования (например, **k* > *χ*, **ǎ́* > вост., ю.-зап. хант. *t̃* ~ сев.-зап. хант. *š*), имели место уже после основной волны проникновения татаризмов, которую В. А. Могильников [Могильников 1997] считает целесообразным относить к I — началу II тыс. н. э.

¹⁰ Курмач — поджаренная ячневая или овсяная крупа.

В настоящее время группы выявленных заимствований с особой рефлексацией столь малочисленны, что на основе их анализа не кажется возможным говорить об особых этапах или источниках заимствований слов в восточные или южные хантыйские диалекты. Однако опыт этимологической работы с хантыйской лексикой из [DEWOS] показывает, что возможности поиска новых татарских заимствований в хантыйском языке еще далеко не исчерпаны, поэтому может оказаться, что в дальнейшем будут выявлены новые типы рефлексации, которые позволят более четко установить различные источники заимствования.

5. Мансийский язык

Сибирско-татарские заимствования

Татарские заимствования в мансийском языке подробно описаны в работе [Kannisto 1925], где собран корпус заимствований, насчитывающий более 500 лексем. Максимальное количество заимствований представлено в южных и восточных мансийских диалектах, носители которых в конце XIX — начале XX в. проживали на границах территорий распространения нижнетавдинского (нижнее течение р. Тавды) и заболотного (в Эскальдинской волости) подговоров тюменского говора тоболо-иртышского диалекта сибирско-татарского языка соответственно. По предположению А. Каннисто, в западные диалекты мансийского языка, носители которых не имели прямых контактов с сибирскими татарами, заимствования проникали из соседних восточномансийских диалектов. Эта гипотеза базируется на том, что 1) в западных диалектах практически отсутствуют слова, которые бы не были зафиксированы в восточных, а 2) носители западных и восточных диалектов мансийского языка имели постоянные контакты.

Однако наличие заимствований в северных диалектах мансийского языка не удается объяснить как результат проникновения слов из других мансийских диалектов, потому что в них есть сибирско-татарские заимствования, не представленные в других мансийских говорах. А. Каннисто выдвигает гипотезу, что в северномансийские диалекты были заимствованы слова из туринского подговора тюменского говора тоболо-иртышского диалекта сибирско-татарского языка, т. к. носители этих диалектов были связаны зимним санным путем и имели торговые контакты.

Таким образом, А. Каннисто предполагает, что сибирско-татарские заимствования проникли в мансийские диалекты из трех разных говоров тоболо-иртышского диалекта сибирско-татарского языка: в южные диалекты — из нижнетавдинского, в восточные — из заболотного, в северные — из туринского.

В настоящее время, когда собраны более подробные сведения о сибирско-татарских говорах (в первую очередь в работах [Гиганов 1801; Ахатов 1960; Тумашева 1997; Тумашева, Насибуллина 2000]), представляется интересным проанализировать, возможно ли с лингвистической точки зрения обосновать гипотезу А. Каннисто о разных источниках заимствования в мансийских диалектах. Ее подтверждением мог бы служить факт обнаружения в разных мансийских диалектах специфических фонетических или лексических особенностей указанных сибирско-татарских подговоров. Но, как отмечается в статье [Тумашева 2010], в принятой в настоящее время классификации сибирско-татарских говоров нижнетавдинский и туринский подговоров принято объединять в тюменский говор, который практически не имеет определенных отличий от заболотного говора на фонетическом уровне. Таким образом, в настоящее время с точки зрения тюркологии фактически невозможно различить заимствования из разных подговоров в мансийских диалектах.

С другой стороны, менее надежным, но все же весьма интересным указанием на существование хронологически различных источников заимствования было бы обнаружение нескольких рядов соответствий для одной и той же сибирско-татарской фонемы. Это бы указывало на то, что в тот диалект, в котором возможны две или более передачи одной сибирско-татарской фонемы без правила распределения этих рефлексов в зависимости от фонетической позиции, было несколько этапов заимствования. С целью выявления таких случаев был проанализирован полный корпус заимствований, собранных в работе [Kannisto 1925]. В *Таблице 8* представлены ряды нетривиальной передачи сибирско-татарских согласных фонем в мансийских диалектах.

О разбивке тюркских корней по озвончению / неозвончению интервокального **-k-* в кыпчакских языках см. [СИГТЯ 2006: 125—140] (там же — гипотеза об их распределении). При заимствовании в мансийский **-k-* отражается как глухой независимо от того, озвончается ли он в татарском. С другой стороны, ПТю **-g-* в кыпчакских языках и диалектах дает разные рефлексивы в зависимости от вокалического окружения [СИГТЯ 2006: 70—119]. В мансийском языке мы видим единообразное отражение в виде β , что может говорить о довольно раннем заимствовании из какого-то кыпчакского диалекта.

Таблица 8

Нетривиальные отражения сибирско-татарских согласных звуков в мансийских диалектах

ПТю	сиб.-тат.	примеры сиб.-тат. слов	манс. южн.	манс. вост.	манс. зап.	манс. сев.
*k	k	литер. <i>ақыр</i> - ‘кричать, брехать’, литер. <i>үкер</i> - ‘кричать, плакать’, литер. <i>сүгү</i> , бар., тоб. <i>сүкеләү</i> ‘ругаться’	k/χ	k/χ	k/χ	k (LO), G (So)
*k	g	Күкр. <i>йегән</i> ‘ситник, камыш’ Кошкүл. <i>игәр</i> ‘охотничья собака’, литер. <i>йөгән</i> ‘уздечка’, тюм., лайт., том. <i>тегәнәк</i> ‘колючий кустарник’	k/χ	k/χ	k/χ	k (LO), G (So)
*g	γ	<i>тугару</i> [Гиганов 1801], тоб. <i>туару</i> ‘распрягать лошадь’	β	β	β	
*g	j	литер. <i>өер</i> ‘группа, табун’	β	β	β	
*g	w	литер. <i>буаз</i> ‘беременная’, том., бар. <i>йуу</i> ‘собирать в снопы’, тоб., тюм. <i>сау</i> ‘здоровый’, тар., тоб. <i>тауық</i> ‘курица’	β	β	β	
*č	c	<i>ацы</i> ‘кислый’, тоб., тюм. <i>ацы таш</i> ‘квасцы’, Кум. <i>уцагаяқ</i> ‘тренога’, кузн. <i>оцоз</i> ‘дешевый’	č̣	č̣	č̣	č̣
ПТю *λ > ОТю *š	š	литер. <i>эш</i> ‘работа’, литер. <i>шилэйә</i> ‘шляя’, литер. <i>ышану</i> ‘верить’	š	š ¹¹	š	s
*j	j	бар. <i>йагы</i> ‘доха’	ĵ	ĵ	ĵ	ĵ
*ŋ	ŋ	<i>тың</i> ‘твердый’, тар. <i>киңәш</i> ‘совет; собрание жен- щин перед свадьбой’	ŋ	ŋ	ŋ	
*ŋ	ŋ	γ-күл. <i>йаңақлау</i> ‘дверной косяк’	t			
*b	w	литер. <i>уату</i> ‘дробить’, тюм. <i>ывал</i> - ‘крошиться’	β	β	β	

6. Венгерский язык

Булгарские заимствования

Традиционно выделяется несколько этапов заимствования из тюркских языков в венгерский. Из них нас больше всего интересуют те два (ранние), которые относятся к заимствованиям из болгарской группы, раньше всех отделившейся от остальных тюркских языков. Рассмотрение их может помочь хронологизировать болгарские фонетические изменения и понять, какие из них существенны для момента отделения болгарской группы, а какие являются результатом самостоятельного развития в течение длительного периода отдельного существования и сепаратных (по отношению к другим тюркам) контактов.

Первый этап — “the Pre-Conquest Layer” [Róna-Tas 1988: 752] (в русскоязычной литературе — «до Переселения») — это заимствования, происходившие при тесном контакте древневенгерского языка с болгарским до прихода венгров на нынешнюю территорию (X в.). Эти контакты (учитывая, по-видимому, одновременный контакт венгров и болгар с аланами, отразившийся в заимствованиях из предка осетинского языка в венгерский, из болгарского в раннеосетинский и из раннеосетинского в болгарский) локализуют либо в Волго-Камском регионе, либо, скорее, как попытка показать в своих последних статьях А. Рона-Таш, основываясь на заимствованных названиях растений [Róna-Tas 2005a, 2005b], в Доно-Кубанском регионе. Что касается времени, то эти контакты должны были протекать в V—VI вв. н. э.

¹¹ При заимствовании слова *ašlyk* ‘зерно’ в восточномансийских говорах наблюдается нерегулярное отражение š в виде s, причина которого не вполне ясна.

Вторым пластом тюркских заимствований обычно считают «кумано-печенежскую» лексику, проникшую в венгерский язык в X—XIII вв. К сожалению, разделить «печенежские» и «куманские» заимствования в венгерском не представляется возможным (хотя в отдельных случаях такие гипотезы и предлагаются в этимологической литературе). К этой группе, по-видимому, относятся все формально небулгарские заимствования, ранний характер которых определяется по ранней фиксации и прошедшим над фонетикой этих слов старовенгерским процессам.

Кажется необходимым, однако, выделять еще чуть более ранние контакты с дунайско-булгарским, уже обосновавшимся на территории Болгарии (с VII в.), возможно, частично через славянское посредство (о некоторых возможных заимствованиях в венгерский язык из дунайско-булгарского через славянское посредство писал еще Л. Лигети). Заметим, что заимствования из дунайско-булгарского и кумано-печенежского в венгерский язык протекали примерно в одно и то же время и должны были подвергаться одним и тем же правилам адаптации. Именно этот тип контактов мы относим ко второму этапу, а вышеуказанный «краннекыпчакский» тип — к третьему.

Представлена и еще одна довольно небольшая и проникающая как экзотизмы группа «послемонгольских» кыпчакских заимствований, скорее, ногайского типа. Наконец, имеются поздние (после XIV в.) турецкие заимствования в венгерский язык, которые относительно легко определяются и которые здесь мы специально обсуждать не будем. Естественно, о проблеме тюркизмов в венгерском языке, начиная с классических трудов З. Гомбоца, написано огромное количество работ, и она исследована весьма подробно (классификацию источников заимствований в эксплицитном виде см. прежде всего в [Ligeti 1986] — в целом без учета различия ранних и поздних, дунайских, булгаризмов). Однако в связи с изменением тюркской реконструкции, на которой мы основываемся, можно попытаться уточнить некоторые моменты этой истории.

Итак, булгаризмы в венгерском языке по фонетическим особенностям можно разделить на две группы. В одной предполагаемый облик тюркских прототипов мало отличается от пратюркского состояния (за исключением «чувашской палатализации» — перехода **s- > š-* перед **i, *i*). В другой прототипы обнаруживают значительные сходства с прототипами заимствований из дунайско-булгарского в южнославянские языки. Соответственно, первую группу заимствований в венгерском языке можно отнести к “the Pre-Conquest Layer” («до Переселения») — это заимствования, происходившие, скорее всего, на территории Волго-Камского или, как сейчас предпочитает считать А. Рона-Таш, Доно-Кубанского ареала (V—VII вв. н. э.) [Róna-Tas 2005a: 436—438]. Вторая же группа булгаризмов в венгерском — заимствования из дунайско-булгарского, происходившие на территориях, близких к нынешней Венгрии; правила их фонетической адаптации в венгерском совпадают с правилами адаптации ранних славянских заимствований, попавших в венгерский язык в период, «хронологически близкий к завоеванию венграми Среднего Подунавья (895—900 гг.)», см. эти правила в [Хелимский 2000: 422].

Последний по времени гигантский компендиум булгаризмов (и отчасти других ранних тюркизмов) в венгерском языке — это [WOT]. Этот труд, в частности, содержит выводы о фонологической системе «древнезападнотюркских языков» (авторы думают, что это могут быть болгарский и хазарский языки). При составлении приведенных ниже фонетических таблиц мы воспользовались отчасти своими работами [Дыбо 2007, 2010, 2011; Dybo 2010] (и незаконченным продолжением книги [Дыбо 2007]), а отчасти — материалами [WOT]. В тех случаях, когда наши выводы сильно отличаются от воззрений А. Рона-Таша, мы специально комментируем эти различия.

Таблица 9

Отражение болгарского вокализма в заимствованиях разного типа

ПТю	раннебулгарские заимствования в венг.	позднебулгарские (дунайские) заимствования в венг.	позднебулгарские (дунайские) заимствования в ю.-слав. ¹²	позднебулгарские (волжские) заимствования в вост.-слав.	чувашский
*a	a (ã)	a (ã) ?	o	o	o
*ã	á	á ?	a		o
*o	*u > o	a (ã)	o	(vo)	vʷ-, -u-
*õ	*ũ > u	vá-, Cá-	va	va	va-, -u-
*ö	*ü > ö	e (ê), ö	u		vʷ-, -ü-
*õ	*ũ > ü	vé-, -é-	ve	(P)i	va-, -vva-
*u	*u > o	ʔ ¹³	ʷ		ʷ

¹² См.: [Дыбо 2009; Dybo 2010].

ПТю	раннебулгарские заимствования в венг.	позднебулгарские (дунайские) заимствования в венг.	позднебулгарские (дунайские) заимствования в ю.-слав. ¹²	позднебулгарские (волжские) заимствования в вост.-слав.	чувашский
*ū	*ū > u	?			ь
*ü	*ü > ö	ö, e (ë) ¹⁴	ь, (K)ь, (P)i	u	э
*ū	*ū > ü	ve-			э
*i, *ī	a, (á >) é	a ?	a, il > lь		э/ь
*i	*i > e (ë)	i ?	e, il > lь	ь	э/ь
*ī	*ī > i	?			э/ь
*a	*ī > i	a ?	ь, (č)ь		i
*e	é, ε	é, ε ?	i		i/э
*e	é, ε	a	o	o	a
*ē	ě	ě ?	i		a
*ā	ε/ě	?	a		a
*ej	*ī > i	?			jэ-, ja-, -i-
*aj	*i > e (ë)	?		i	jэ-, ja-, -i-

Таблица 10

Отражение пратюркской и булгарской систем согласных в венгерских заимствованиях разного типа^{15, 16}

ПТю	чув.	раннебулгарские заимствования в венг.	позднебулгарские (дунайские) заимствования в венг.	поздне-булгарские (дунайские) заимствования в ю.-слав.	позднебулгарские (волжские) заимствования в вост.-слав.
b-	p-, m- ⁽¹⁾	b-, [m-] ⁽¹⁾	b-, [p-] ⁽²⁾	b-	b-
-p(-)	-b-, -p	-p-	[-b-] ⁽³⁾ , -p	(l)b-, -v-, -p- < *-pŷ-, -p	-p- < *-pŷ-
-b(-) ⁽⁴⁾	v/∅	*v > ∅	[-v-]	v	v
-m(-)	m-, -n	m	-m-	-m-	—
t-	t	t-	t-	t-	t-
-t(-)	-d-, -t	t	d	(C)t	t
d-	t-	t-	t-, ? d-	—	—
-d(-)	-r-, [j]/ r	d, [-z- < -yd-]	-d-, [j]/ r ⁽⁵⁾	d	-r-, [j]/ r
s-	s, š- / *i, *i, *iV	s-, š- / *i, *i, *iV	s-, š- / *i, *i, *iV	s-, š- / *i, *i, *iV	s-, š- / *i, *i, *iV
-s(-)	-z-	s	s ⁽⁶⁾	s	—
-n(-)	n	n	n	n	n
-r(-)	r	r	r	r	r
-l(-)	l	l	l	l	l
č-	š	š, č/ i	č-	č	č
-č(-)	ž	č, š	č, š	č	č
-λč(-) ⁽⁷⁾	-ž-, -š	(l)č	—	—	—
j-	š-	gy / di-	? s- ⁽⁸⁾	č-, [d-]	č-
-j(-)	j	[∅]	[j]	j, -∅C-	j
-ñ(-)	j/v/∅		[ny]	n	—

¹³ Относительно специфического рефлекса в венг. *var* ‘короста, струп, веред’ < ПТю *ur ‘нарост, опухоль’ (ср. чув. *vьr* ‘нарост на дереве’) см. также [СИГТЯ 2006: 179—182], где дифтонгизация краткого гласного объясняется специальной позицией.

¹⁴ Ср. дунайско-булгарское («Именник булгарских князей») *вечемь* vs. чув. *višam*, ПТю *üü-N-č ‘третий’ [Мудрак 2005]. Дифтонгизация краткого гласного объясняется специальной позицией [СИГТЯ 2006: 188].

¹⁵ В Таблице 10 в квадратные скобки взяты рефлексы, которые встречаются в одном или двух случаях. Их существование нельзя постулировать уверенно, распределение по клеткам таблицы в этих случаях также является условностью.

¹⁶ В Таблице 10 надстрочная цифра в круглых скобках указывает на порядковый номер примечания, данного после таблицы.

ПТю	чув.	раннебулгарские заимствования в венг.	позднебулгарские (дунайские) заимствования в венг.	поздне-булгарские (дунайские) заимствования в ю.-слав.	позднебулгарские (волжские) заимствования в вост.-слав.
-λ(-) ⁽⁹⁾	l, š	l	l	l	l
-ř(-) ⁽¹⁰⁾	r, s	r	r	r	r
k-	k, x ⁽¹¹⁾	k- ⁽¹²⁾	k-	k-	k-, x-
-k(-)	-g-, -k/-x, -∅	-k-, -∅	-k(-), -g(-)	-g-, -k-, -xC-, -g	-g(-), -k(-)
g- ⁽¹³⁾	k	k-	? k-, (g-)	k-	k-
-g(-)	v/j/∅	*v/j > ∅	g, ∅	g	∅
-ŋ(-)	n, m	∅	ng, m ⁽¹⁴⁾	—	—
h-	∅	∅	∅	? x-	—

Примечания к Таблице 10

(1) В чувашском языке правило назализации начального *b- формально похоже на азербайджанское, т. е. переход проходил до падения η и ŋ в том случае, если они следовали внутри кластера, стоящего на границе первого и второго слогов, независимо от слогоделения: например, ПТю *bujjiř (*büjjiř) ‘рог’ > чув. *mъjraga* (< *bujjiř-ak-ag), ПТю *bejji(i) ‘мозг’ > чув. *mimə*, ПТю *biindik ‘усы’ > чув. *mъjx*. Среди заимствований в венгерский язык пример с переходом *b- > m- только один, но подчиняется этому же правилу: венг. *mogyóro* ‘орех’ [MNYTESz, 2: 941] (ранние фиксации: *munorau*, *monarau* — 1055 г., *mogorod* — 1156 г., *maniarou* — 1367 г.) < ПТю *bōjno-r ‘черная смородина; орех’ (> чув. *mъjъr* [ЭСЧЯ 1996, 1: 436], якут. *mōñhoуon*, *mojñoуon* ‘черная смородина’); в [WOT] этот случай не учтен.

(2) Два имеющихся примера на p- в принципе могут объясняться как дунайско-булгарские рефлексы ПА *p- [Дыбо 2007], но только один из них не имеет альтернативной этимологии: венг. *pödör-* ‘скручивать между пальцами’ заимствовано из болгарского рефлекса ПТю *büi-iš- ‘переплетаться, примыкать’, *büi-ir- ‘плести, ткать’ (крх.-уйг. *bütiš-* (МК), тур., аз., туркм. *bitiš-*, узб. *bitiš-*, каз. *bitis-* ‘мириться’, чув. *pə^wdə^wr-*, тат. *böter-* ‘крутить, свертывать’, башк. *bötörgös* ‘деталь ткацкого станка’) [EDT: 309—310; ЭСЧЯ 1996, 1: 427] < ПА *pūti (~-ju-, -e) [EDAL]. Несмотря на то, что в [MNYTESz, 2: 273] утверждается, что тюркская этимология, предполагавшаяся З. Гомбоцем, ошибочна, финно-угорской этимологии не найдено, однако имеется точно соответствующая чувашская форма, по видимому, проникшая в башкирский и татарский языки. Есть гипотеза о заимствовании ПА *pūtorV (/ld-) > ПТю *bildirčün* ‘куропатка’ (> тур. *bildirçün*, аз. диал. *bildirčün*, чув. *p^wldə^wržan* ‘трясогузка’) в венг. *pacsirta* ‘жаворонок’. В [MNYTESz, 3: 53] предлагается этимология венгерского слова от звукоподражания; см., однако, [Норманская, Дыбо 2010], где предложена финно-угорская этимология. В [WOT] оба этих слова не учитываются.

(3) Судя по нижеприведенному материалу, венгерские тюркизмы с -b- < ПТю *p- могут интерпретироваться как поздние (дунайские) булгаризмы, ранние или поздние кыпчакизмы, а также как заимствования из турецкого языка в ситуации «огузского озвончения» (в позиции после первично долгих гласных). У А. Рона-Таша все такие случаи считаются куманскими заимствованиями. Однако из примеров тюркизмов с интервокальным -b- в соответствии с ПТю *p- два являются скорее турецкими заимствованиями с поздней фиксацией: *kobak* ‘тыква’, *csibuk* ‘чубук’.

Венг. *kobak* ‘тыква’ [MNYTESz, 2: 507] (впервые под 1340 г. (?), затем *kabak* — 1803 г., *kubak* — 1792 г.): ПТю *Kāpak (МК *qabaq*, СС *cabuc*, туркм. диал. *qāvaq*; распространение — огузские, кыпчакские и карлукские языки) [ЭСТЯ 1997: 162—163; EDT: 582]. ПТю долгота восстанавливается по долготе в туркм. диал., а также огузскому и кыпчакскому озвончению губного; огубленность первого гласного в венгерском вторичная, возможно, под влиянием следующего губного согласного. В [EWU] высказывается предположение, что, скорее всего, это кумано-печенежское заимствование. Поскольку этимологически ПТю слово, вероятно, является производным от *kāp ‘сосуд’, срединный глухой озвончен везде, кроме уйг. диал. *qaraу* (чув. диал. *kaBak* из тат.). Если встреченное под 1340 г. имя собственное имеет сюда отношение, то можно считать заимствование позднебулгарским, кумано-печенежским или позднекыпчакским («ногайским»). Если нет, то мы имеем дело с заимствованием из турецкого языка, что весьма вероятно; ср. слабую распространенность слова в славянских языках — только вост.-слав. (из крымско-татарского) и болгарские диалекты [Фасмер, 2: 148].

Венг. *csibuk* [MNYTESz, 1: 519] (*Chibuk* — 1266 г., с 1817 г. — «курительный чубук»): ПТю *čip-uk ‘ветка, прут’, ср. чув. *čърък* ‘прут; чубук’ (по фонетике, скорее, заимствование из тат.; значение ‘курительный чубук’ из рус.), тув. *šiviq*, тоф. *šibiq*, хак. *šimix* ‘прут, хворостина, тонкая палка’, шор. *šimiq*, чул. *šimiq* ‘прут’, крх.-уйг. *čip*, *čibiq* (МК), чаг. *čibuq* [Sangl.], узб. *čiviq*, н.-уйг. *čiviq*, тур. *čubuk* ‘ветка, прут, палка; курительный чубук’, гаг. *čibiq* ‘то же’, аз. *čibuG* ‘то же’, туркм. *čibiq* ‘ветка, прут, палка’, кар. *cibuq*, *cubuq*, (крым.) *čibuq* ‘ветка, прут, палка’;

(крым.) курительный чубук', кбалк. *čibiq* 'прут', кум. *čubug* 'прут, лоза', тат. *čibik* 'прут, лоза, проволока', башк. *sibiq* 'прут, хлыст', ног. *šibiq* 'прут, хворостина', каз. *šibiq* 'прут, хворостина, розга', ккалп. *šibiq* 'прут, хворостина, сук', кирг. *čibiq* 'прут, хворостина, розга', алт. *čibik* 'прут, хворостина, тонкая палка' [EDT: 393, 395; VEWT: 106; TMN, 3: 1059; СИГТЯ 2000: 118—119; ЭСЧЯ 1964: 320; ЭСЧЯ 1996, 2: 403—404]. Венгерское слово, судя по значению, скорее, из тур. (в [EWU] высказано предположение, что, возможно, через сербское посредство), конечно, если раннее имя собственное не имеет сюда отношения. Однако в принципе возможно и кумано-печенежское, и ногайское заимствование.

Венг. *csabak* 'подлещик' [MNYTESz, 1: 463] (с 1419 г.): ПТю **čapak* 'мелкая речная рыба', ср. чув. *šurax* 'лещ, подлещик', тув. *šavaŋa* 'мелкая речная рыба', шор. *šabaq* 'сорожка', крх.-уйг. *čabaq* (МК) 'мелкая речная рыба', чаг. *čabaq* [Sangl.] 'мелкая речная рыба', узб. *čāvāq* 'плотва', тур. *çapak balığı* 'лещ', диал. 'малек сома и сазана', 'сазан', аз. *čapaG* 'лещ', туркм. *čapaq* 'вобла', диал. 'сеledка, лещ', узб. диал. (Хорезм) *čabaq* 'малек', кр.-тат. *čapaq* 'мелкая речная рыба', кар. *čabak* 'рыба', кум. *čabaq* 'рыба', кбалк. *čabaq, cabaq* 'рыба', тат. *čabaq* 'плотва, сорожка' (заим. в чув. *čapak* 'плотва'), диал. 'лещ', сиб.-тат. тоб. *цабак* 'мелкая рыба, чебак', бар. *cabaq* 'чебак', башк. *sabaq* 'плотва, сорожка', диал. *тарак чабак* 'молодой лещ', *sabaqa* 'мальки', ног. *шабак* 'вобла', *май шабак* 'сельдь' (букв. 'жирный чебак'), кног. *шабак* 'лещ', каз. *šabaq* 'мелкая рыба, чебачок', ккалп. *šabaq* 'подлещик, лещ; всякая мелкая рыба', кирг. *čabaq* 'всякая мелкая рыба', *maj čabaq* 'пескарь' (букв. 'жирный чебак'), *it čabaq* 'голец' (букв. 'собачий чебак'), алт. *čabaq* 'чебак', теленг. (Кош-Агач, Улаган) *čabaq* 'чебак, плотва', *aq čabaq* 'быстрянка', туб. *čavaq* 'чебак', лебед. *š'avaq* 'чебак', куманд. *šabaq, šabāč* 'чебак' [VEWT: 99; EDT: 395; СИГТЯ 2000: 177; ЭСТЯ VIII; СГКАУР; ТССДАЯ]. Венг. слово, несмотря на позднюю фиксацию, не может быть турецким (ср. тур. *çapak*); можно считать его позднебулгарским, кумано-печенежским или позднекыпчакским.

Венг. *koboz* 'лютня, цитра' [EWU: 763] (с 1193 г. — топоним *coboz*, под 1326 г. — *Kobzus*, 1620 г. — *koboznak*): ПТю **Kopuř* 'вид музыкального (струнного) инструмента', ср. тоф. *xobus*, шор. *qobus*, др.-уйг. *qoruz*, крх.-уйг. *qoruz* (МК), чаг. *qoruz* [Боровков 1961], ср.-кыпч. *qobuz* [АН], узб. *qobiz*, н.-уйг. *qowuz*, тур. *koruz*, туркм. *Goruz*, кар. *qobuz*, кбалк. *qobuz*, тат. *qubiz*, башк. *qubiđ*, ног., каз., ккалп. *qobiz*, кирг. *qobuz* [VEWT: 281; EDT: 588; TMN, 3: 535—537; СИГТЯ 2000: 614; ЭСТЯ 2000: 69—71] (чув. *kirъs* 'скрипка, гармошка' из тат.). Если ранний топоним относится сюда, то венгерское слово должно быть кумано-печенежским заимствованием (не булгарским, ср. -z); если нет, это может быть «ногайское» заимствование.

Для венг. *kebel* 'грудь, пазуха' [EWU: 716] отрицается происхождение из алтайских языков.

(4) А. Рона-Таш восстанавливает здесь *-v-. В [СИГТЯ 2006] подробно обосновывается, что аллофонами начальных звонких согласных в середине слова в праторкском языке следует считать звонкие фрикативные (*d — đ, b — v, g — y*). Это, собственно, не противоречит точке зрения А. Рона-Таша: он не говорит здесь об аллофонах, потому что не реконструирует для начала слова противопоставления по звонкости / глухости. Вслед за З. Гомбоцем и В. М. Иллич-Свитычем мы такое противопоставление реконструируем: обоснование для *g- см. ниже; обоснование для *d- в самом последнем виде находится в статье [Дыбо 2005]. Там приведено 43 примера «чистого» ПТю (огузо-саянского) *d- в соответствии с непридыхательным ПА *t, 62 примера «чистого» ПТю (огузо-саянского) *t- в соответствии с придыхательным ПА *t', а также показаны обязательное озвончение в ПТю перед срединным звонким смычным (30 примеров) и нейтрализация оппозиции с особым рядом соответствий в огузском (тур., гаг. *t-*, аз., туркм. *d-*) в заднерядных основах и с рядом *d—d* в огузском в переднерядных основах при следующих *λ, *ř и сочетании «сонант + звонкий взрывной» (20 слов).

Еще одно наше отличие от позиции А. Рона-Таша в отношении срединного *b/v следующее. Он полагает, что в булгаризмах ПТю *-v- выпадало, а рефлекс -v- мы имеем в случае куманского заимствования. Укажем, по крайней мере, на один случай с -v-, когда есть явное свидетельство дунайско-булгарского заимствования (ср. вокализм); остальные в этом смысле нейтральны: венг. *csavar-* < ПТю **čebir-* 'крутить, поворачивать', чув. *šavar-* / *šar-* [VEWT: 102; EDT: 398; ЭСЧЯ 1964: 201; ЭСЧЯ 1996, 2: 80]. О том, что заимствование следует датировать дунайско-булгарским периодом, свидетельствует переход ПТю *e > венг. *a*; при заимствовании из куманского мы бы ожидали в венгерском языке что-то подобное ***csever-*. В [WOT] это слово не рассматривается.

Соответственно, к позднебулгарскому (дунайскому) слою заимствований можно также отнести следующие:

1. венг. *kéve* (историч. *ě*) 'сноп' [EWU: 746], видимо, не из ПТю **göpe(ne)* 'стог сена' (> тат. *kübe*, башк. *kübä*, чув. *koba* [ЭСТЯ 1997: 15, 80; ЭСЧЯ 1996, 1: 308—309]; > венг. *kepe* 'солома' [Gombocz 1912]), как это традиционно предполагается, в том числе в [WOT], а из ПТю **kebü-k* 'солома, колосья': др.-огуз. *küwük* (ошибка — вместо *kewük*) 'солома' (МК), крх.-уйг. *kewük* 'солома', ср.-кыпч. *kewük* 'солома' [Houtsma 1894; АН], тур. диал. *kevik, gevik* 'крупные солома и колосья, оставшиеся в решете', башк. *käwäk* 'легкий, несозревший, неналившийся (о пшенице)' [EDT: 689; ЭСТЯ 1997: 81];

2. венг. *bálvány* 'идол' (с 1001 г.) [MNYTESz, 1: 234]; ПТю **bAlbal* 'каменная колонна на могиле, истукан', др.-тюрк. *balbal* [EDT: 333]: дунайско-булгарское слово заимствовано еще в южнославянской зоне как *bolalvanъ* с последующим развитием в отдельных диалектах *blavanъ* и гиперкорректной записью в древнерусском формы *bolvanъ*

как *bъlvanъ* [Фасмер, 1: 186—187; ЭССЯ, 1: 121; Dybo 2010]; в венг. возможен поздний болгаризм, отражающий краткий *a* как долгий.

К кыпчакским заимствованиям может относиться венг. *kuvasz* ‘дворняга’ [MNYTESz, 2: 688] (впервые под 1511 г. со значением ‘волкодав’): кыпч. *kubas* ‘породистая собака’ [АН]. Скорее всего, это позднее кыпчакское заимствование в ногойской фонетике (ср. балк. *кѹбас* ‘желтый’, в частности, о масти животного; о ПТю **Kuba* ‘желтый (о масти)’ см. [ЭСТЯ 2000: 94]).

? Венг. *teve* (диал., истор. *ε*) ‘верблюды’ [MNYTESz, 3: 914] (с 1395 г. [Ligeti 1986: 305—306]): ПТю **däbe* ‘верблюды’ > чув. *täve*, якут. *taba* ‘олень’, аз. *devä*, туркм. *dije*, салар. *töje, töüvä, tüvi* [EDT: 447—448; VEWT: 468; ЭСТЯ 1980: 313—315; СИГТЯ 2000: 445]. Чув., вероятно, из кыпч. (**tüve*). Скорее всего, венгерская форма — кыпчакское заимствование (*e* — интерпретация кыпч. *ö*); возможно, венгерская форма — и позднекыпчакское заимствование (= куманская форма XIV в. — *töve* [Ligeti 1981: 188]). Ранний болгаризм невозможен, поскольку не выпало *-v-*; поздний болгаризм сомнителен, т. к. ожидалось бы *-a-*.

(5) А. Рона-Таш полагает, что ПТю **d* > булг. *r* [WOT: 1078]. Примеров на отражение ПТю **-d-* > венг. *-r-* при заимствовании нет. В [WOT] этот переход постулируется на основании данных чувашского и волжско-болгарского языков, а также заимствования в новгородский диалект из волжско-болгарского: *търнуове* < **tudun*. Если А. Рона-Таш правильно этимологизирует венг. *iró* ‘пахта’ (< **ayrag* < **adrag* < **adīrag* < *adīr-*), то это пример на развитие **d* > *j* перед *r*, которое имеется в чувашском (но возможна и другая этимологизация). Кроме того, он приводит венгерские примеры на сохранение *d* в интервокале. Мы на том же материале сделали бы вывод, что в раннеболгарском фонема *-d-* (фонетически [δ]), видимо, сохранялась, а для выводов о дунайско-болгарском материал недостаточен. Действительно, в чувашском языке **-δ-* > *j* в основах, содержащих *r*, и **-δ-* > *-r-* в других контекстах (хронологически это правило, видимо, действовало после совпадения в булг. **r* и **ř*, ср. чув. *хуйър* ‘кора’ < ПТю **Kadīř*, ОТю **kadiz*). Полный набор примеров см. в [СИГТЯ 2006: 34—37]; там же предложено еще одно правило: **-δ-* > *j* в составе кластеров и на конце односложных слов, **-δ-* > *r* в интервокале и на конце глагольных корней, — однако сложность таких позиций (неустойчивых в силу морфонологических чередований при словоизменении) уменьшает его надежность.

Временные границы этих процессов определяются следующим образом: в ранних венгерских болгаризмах, как например, *bodor* ‘кудрявый’, ст.-венг. *budrig* [MNYTESz, 1: 319] < ПТю **budra* ‘кудри’ [ЭСТЯ 1978: 245] (в чув., где слово не зафиксировано, ожидался бы *j* на месте **d*), а также *búza* ‘пшеница’ < ПТю **bugda-j* [EDT: 312] (> чув. *рърри*), *túzok* ‘дрофа’ < ПТю **togdak* (> чув. **тѹраχ*) [VEWT: 483], отражаются аллофоны *δ* и *d* (возможное распределение: перед сонантом — *d*, в интервокальном сочетании с *g* — *δ*). (NB: Вопреки, кажется, общему убеждению, *-z-* — не следствие угорского процесса **t* > *d* > *z*, который проходил раньше; ср. в венгерском аланское заимствование *híd* ‘мост’, осет. *xid* — без такого перехода, но иранское заимствование в общеугорский, венг. *nemez*, манс. *nēment*, хант. *nāmel* ‘войлок’, осет. *нумэт*, Пир *namata*, — с таким переходом.)

Видимо, неспирантное произношение *-δ-* перед сонантом отражено в следующих случаях:

1. (если этимология действительно такая; ср. [Дыбо 2007: 31]¹⁷) венг. *szőlő* ‘виноград’ (< **sīdley*, ст.-венг. *szöllő* < **szōdlō*) [Gombocz 1912; MNYTESz, 3: 794] < ПТю **jidge*, **jidge-lek* ‘ягода’ (> чув. *širla*) [EDT: 911; VEWT: 202; ЭСТЯ 1974: 325—326; СИГТЯ 2000: 122, 140]; в венгерском, судя по начальному согласному, должно быть позднее, дунайско-болгарское заимствование;

2. венг. *ködmön* ‘шуба’ [MNYTESz, 2: 603] (и др.-рус. *къдманъ* [Фасмер, 2: 275]) < ПТю **ged-* ‘надевать’ [EDT: 700; VEWT: 246; ЭСТЯ 1980: 12—13; СИГТЯ 2000: 472—473];

3. венг. *idő* (< **öd-leg* с метатезой, ст.-венг. *īdew, üldō*) [Gombocz 1912; MNYTESz, 1: 189] < ПТю **öd* ‘время’ (> крх.-уйг. *öd(leg)* (МК), *ödleg* (QB) ‘время, пора’, тур. *öjle* ‘полдень’, чув. *vara* ‘позже’) [EDT: 35—36, 56; ЭСТЯ 1974: 516—517; VEWT: 368; СИГТЯ 2000: 68—69];

4. венг. *bodor* ‘кудрявый’, ст.-венг. *budrig* [MNYTESz, 1: 319] < ПТю **budra* ‘кудри’ [ЭСТЯ 1978: 245];

5. венг. *ünnepe* ‘праздник’ (‘святой день’) [MNYTESz, 3: 1053] (с 1372 г.), *ydnepe*, это старовенгерское написание может, впрочем, отражать *-gy-* как *-d-*, что встречается в старовенгерской графике; венг. *egy-* (ë) ‘святой’ в *egyház* ‘храм’ [MNYTESz, 1: 724—725] (с 1193 г.) < ПТю **ed-gü* ‘хороший’ (> якут. *ütüö*, тув. *eki*, тоф. *e'kki* (< **etki*), др.-тюрк. *edgü*, крх.-уйг. *edgü*, тур., гаг. *iji*, туркм. *ejgi-lik* ‘добро, благополучие’, салар. *ī*, кар. *egi*, балк. *igi, izgi*, тат. *ige, ijge*, ног. *ijgi*, кирг. *ijgi*). От ПТю **ed* ‘вещь, добро, имущество’ > чув. *ir-sar* ‘отвратительный’, др.-уйг. *ed*, крх.-уйг. *eđ* (МК, QB), туркм. *ej germek* ‘любить кого-либо’, хак. *is* ‘имущество’, *iza-çox* ‘неудобный’ [ЭСТЯ 1974: 245—247, 248—249, 329—330; VEWT: 35—36; EDT: 33, 51]. Венгерская форма не могла бы быть раннеболгарским (ожидалось бы ***ezü*) или позднеболгарским (ожидалось бы ***erü*) заимствованием; скорее всего, это ранний кыпчакизм: **egjü* > **egjü* > *egy* с потерей конечного гласного.

¹⁷ Предложена также угорская этимология: венгерская форма — это суффиксальное образование от угорской основы, отраженной в обско-угорском **sōj-* ‘Blaubeere; Heidelbeere’ (> манс. **šī"wnā*, хант. **se"wamsəy* [Honti 1982: 577]).

Спирантное произношение находим в рефлексах сочетания *-gd-:

1. *búza* ‘пшеница’ < ПТю **bugda-j* [EDT: 312] (> чув. *pərri*);
2. *túzok* ‘дрофа’ < ПТю **togdak* [VEWT: 483] (> чув. **tъrax*).

Между прочим, эти два последних слова, адаптирующих раннебулгарский рефлекс ПТю -*δ*- как *z*, — еще один аргумент в пользу последовательности переходов в болгарском: сначала *ř* > *r*, потом -*δ*- > -*r*-. Иногда сходство этих процессов считается доказательством ротацистской¹⁸ гипотезы с постулированием для болгарского языка порядка правил: -*δ*- > *z*, *z* > *r*. Однако болгаризмы в венгерском языке имеют регулярное *r* в соответствии с ПТю **ř*, например: ПТю **buřa-gu* ‘теленек’, венг. *borjú*. Следовательно, в раннебулгарском переход *ř* > *r* уже прошел, а -*δ*- > -*r*- еще не прошел. Это подтверждается и другими источниками по раннебулгарскому: Ибн Фадлан (начало X в.) передает хазарское название березы как *xading*, т. е. арабским межзубным. Ср. также хазарский титул в греческой записи Τουδοῦνος (VII в.) в соответствии с др.-тюрк. и крх.-уйг. *tudin* [EDT: 457]. Греческая передача не противоречит выявленной позиции, поскольку в среднегреческом языке интервокальный -*δ*- уже читался как межзубный (эту артикуляцию, видимо, венгерский адаптирует как *z*). Древнерусская передача этого же титула у волжских болгар — *трунь* (Троицкая летопись, под 1230 г.), так что к тому времени у волжских болгар переход -*δ*- > -*r*- должен был уже пройти (о том же говорит рус. ц.-слав. заимствование из волжско-булгарского *коуригъ* ‘друга, шафер’ [Райнхарт 2006] < ПТю **güde-gü*). Для дунайско-булгарского никакой информации по этому переходу нет. Примеров с переходом *d* > *r* на материале заимствований в венгерский язык не обнаружено. Косвенным свидетельством иногда считают прочтение в хазарском киевском письме (X в.) формы *oqurim* ‘я читал’ (*r* на месте *d* в показателе претерита [КМТЛ: 336—338]), но ср. резкие возражения против этого прочтения М. Эрдала и П. Голдена [там же].

(6) Для этой позиции А. Рона-Таш указывает еще рефлекс -*z*-, но соответствующий пример — *izzik* ‘горячий’, — во-первых, спорен по этимологизации; во-вторых, если он восходит к тюрк. ‘горячий’, то это не рефлекс *-*s*-, т. к. удвоенный согласный восходит к сочетанию с суффиксом (либо тюрк. -*sig*, либо венг. -*sig*). Старые фиксации, как пишет А. Рона-Таш, демонстрируют -*s*-.

(7) Здесь речь идет о проблеме, параллельной проблеме «ротацизма» / «зетацизма», — проблеме «ламбдаизма» / «сигматизма». Со времен Б. Я. Владимирцова и Н. Н. Поппе отмечается, что ОТю **š* входит в два ряда соответствий с болгарской группой: ОТю **š* ~ чув. *l*, венг. *l* и ОТю **š* ~ чув. *ś* (т. е. нормальный рефлекс ПТю **č*), венг. (*l*)*cs*. Алтаисты находят последнему случаю довольно много параллелей с монг. и ТМ кластером -*lč*- и восстанавливают в этом случае ПТю **lč* (традиционно) или **lč* [EDAL]; «сигматист» Г. Дерфер тоже восстанавливал здесь -*lč*-. А. Рона-Таш пишет следующее: “As already stated, Ramstedt (...) and Poppe (...) supposed two kinds of /l/: *l'* and *l''*. This dichotomy was later accepted by many scholars in various ways. This supposition is without foundation, since we have no phonological opposition” [WOT: 1105] («Как говорилось выше, Рамстедт (...) и Поппе (...) предполагали два вида /l/: *l'* и *l''*. Эта дихотомия была впоследствии различным образом принята многими исследователями. Предположение это безосновательно, поскольку здесь нет фонологической оппозиции»). Это, конечно, неверно: фонологическая оппозиция вполне есть, можно привести ряд (квази)минимальных пар (ПТю **dāl* ‘ива’ — ПТю **dal* ‘наружу’, ПТю **jāl* ‘грива’ — ПТю **jāl* ‘слеза’ и т. д.). Свою реконструкцию вышеописанной ситуации А. Рона-Таш излагает так: “Perhaps PT /š/ first became /lš/, then /lšč/ (see *Bolšči* under *búcsú*) and finally /lč/. This cluster consisted of an unstable /l/ and a /č/. In some cases only /l/ was preserved, while in others /č/ remained” [WOT: 1107] («Вероятно, ПТю /š/ сначала превратилось в /lš/, затем в /lšč/ (ср. (ст.-венг.) *Bolšči* под (венг.) *búcsú* ‘прощание’)) и, наконец, в /lč/. Этот кластер состоял из неустойчивого /l/ и /č/. В одних случаях сохранялось только /l/, в других — /č/»). Правил распределения не предлагается. При этом А. Рона-Таш пишет, что в волжско-булгарском и в древневенгерском *l* в преконсонантной позиции часто появляется в местах, где оно этимологически не оправдано; приводятся примеры такого «неэтимологического» *l*.

¹⁸ Речь идет об одном из вызывающих (незаслуженно, по нашему мнению) бурные дискуссии месте в пратюркской реконструкции, а именно: между чувашским (единственным живым представителем болгарской группы) и праобщетюркским имеется два ряда соответствий — 1) чув. *r* ~ ОТю *r*, 2) чув. *r* ~ ОТю *z*. Часть исследователей («ротацисты») реконструирует для первого ряда ПТю **r*, а для второго — ПТю **z* и считает, что в болгарском прошел процесс ротацизма — перехода *z* > *r*. Другая часть, ориентируясь на внешние соответствия (монг., ТМ и ср.-кор. *r* в обоих случаях), реконструирует два звука типа *r* (например, соответственно *r*₁ и *r*₂, по Н. Н. Поппе) и считает, что в общетюркском языке прошел процесс зетацизма — перехода *r*₂ > *z*. Принадлежность исследователя к одной из двух групп не жестко скоррелирована с его отношением к проблеме алтайского родства: «ротацисты» — противники алтайского родства (агностики), «зетацисты» — почти всегда сторонники алтайского родства, за исключением Г. Дерфера и его школы, которые считают доказательством *r*-образного качества прототипа второго соответствия то, что он отражается как *r* в ранних монгольских заимствованиях из пратюркского (к которым они относят примерно тот же набор сближений, который классические «зетацисты»-алтаисты считают общепралтайскими). Позиция московской группы, отраженная в [СИГТЯ 2006], — модифицированная зетацистская: мы интерпретируем *r*₁ как ПТю **r*, а *r*₂ — как ПТю **ř*.

1. “In the VBulg inscriptions we find *köč-* ‘to migrate, go away’ and *köwelč-*, the second has to be read as *köelč-*. This word is *kuš-* in Chuv(ash)” [WOT: 1105] («В волжско-булгарских эпитафиях находим *köč-* и *köwelč-* ‘кочевать’, второе написание следует читать *köelč-*. Это — чув. *kuš-*»). По [Erdal 1993], где даны точные транслитерации арабицы эпитафий, имеем написания **kwAc**¹⁹ (т. е. в транскрипции А. Рона-Таша должно быть *köeč*, а не *köč*) или **kwAlč** (по А. Рона-Ташу, *köelč-*) — пять раз без *l*, один раз с *l*. Единичная запись с *l* может быть опиской; и, во всяком случае, этот пример не относится к соответствию булг. *-lč-*, чув. *ś ~ OTю š*, поскольку здесь OTю **göč-* ‘кочевать’.

2. А. Рона-Таш приводит еще два слова: “*ács*, we find in 1395 *alch* ‘artifex’, read *alč*, in place of *áč*. Here we have to reconstruct **áčə < ayačči*; there is no sign of /č/ in the original, only secondary long /ā/. While the H(ungarian) /l/ appeared and disappeared in the history of *ács*, it remained preserved in the case of *bölcs* which is the H(ungarian) equivalent of T(urkic) *bügüči* → **büyüči > büč > bölc*” [WOT: 1105] («*ács*, под 1395 г. находим написание *alch* ‘плотник’, читается *alč*, вместо *áč*. Реконструируется здесь **áčə < ayačči*; в праформе нет никакого свидетельства /č/, только вторично удлиненное /ā/. В то время как в истории *ács* венг. /l/ появлялось и исчезало, в случае *bölcs* — венг. эквиваленте тюрк. *bügüči* → **büyüči > büč > bölc* — оно сохраняло устойчивость»).

Однако из этих двух примеров на венгерский «неэтимологический» *l* второй может этимологизироваться иначе — так, что *l* оказывается этимологически оправданным [Дыбо 2010]. Венг. *bölcs* ‘мудрый’ [MNyTESz, 1: 360] (фиксация с 1211 г., *belcs*) традиционно связывается с ПТю **böğü-či* ‘мудрец’ (считается, что вставное *l* развивается из долготы гласного). Ср., однако, распространение соответствующих образований в тюркских языках: орхон., др.-уйг. *bögü*, крх.-уйг. *bögü* (МК) ‘мудрый; колдун’, куман. *bügü* ‘пророк’, чаг. *bügi* ‘колдовство’ [Pav. С. 1820: 174], тур. *böyü*, *büyü* ‘колдовство’, *büyüci* ‘колдун’, гаг. *bü* ‘колдовство’, *büzi* ‘колдун’ [EDT: 324; VEWT: 83; ЭСТЯ 1978: 293—294; TMN, 1: 234]. Абстрактное имя, скорее всего, является огузским новообразованием, и в огузском же от него образовано производное с «профессиональным» суффиксом. Нельзя ли предположить для венгерского языка исходную форму **belü-cs* (со вторичной огубленностью в венг. по тюркскому второму слогу) и источник заимствования тюрк. *bilgüči*? Ср.: чаг. *bilgüči*, рус. ц.-слав. *блѣхчи тѣктѡн* ‘плотник; мастер’ [Срезневский, 1: 113] (Афанасий Александрийский, «Слово на ариан», список XV в.), *блѣхчи* ‘кузнец’ [Фасмер, 1: 174], ст.-болг. *блѣхчи* ‘дрводѣлец’, совр. болг. *блѣхчия* [Младенов 1941: 35]. В этом случае можно предположить для венгерского и славянских языков общий дунайско-булгарский источник (ср. чув. *pələvsə* ‘ученый’).

Первый случай, *ács* ‘плотник’, все-таки получает *l* в одиночном написании и может быть гиперкорректным (или в этом памятнике не обозначается долгота?).

Собственно венгерские примеры с «неэтимологическим» *l* А. Рона-Таш приводит такие: “EAn had an unstable /l/ which appeared very early in H(ungarian) in words of PUgr origin. We have data from LOH: cf. H(ungarian) *völgy* (1211 *uelg-i*, 1220 *Welg*) ‘valley’ (< АН *vōd*) < PUgr **wod’kä* (> PVog **wōl*) < PFUgr **wad’kz*, H(ungarian) *hölgy* (1275 *Helg-es*, 1321 *Heug-ku*) ‘lady, woman’ (< АН **hōj* < **hōd*) < PUgr **kad’ă* (> POUGr **kēd* > PVog **kāl*, POsty **köyöy*) < PFUgr **kad’wa*” [WOT: 1105] («В раннедревневенгерском был неустойчивый /l/, который возникал очень рано в венгерском в словах праугорского происхождения. Вот данные из позднестаровенгерского: венг. *völgy* (1211 *uelg-i*, 1220 *Welg*) ‘долина’ (< др.-венг. *vōd*) < ПУг **wod’kä* (> ПМанс **wōl*) < ПФУ **wad’kz*, венг. *hölgy* (1275 *Helg-es*, 1321 *Heug-ku*) ‘дама, женщина’ (< др.-венг. **hōj* < **hōd*) < ПУг **kad’ă* (> ПОБУг **kēd* > ПМанс **kāl*, ПХант **köyöy*) < ПФУ **kad’wa*). Но, возможно, здесь венг. *l* не вставное, а часть кластера *lgy* (закономерного рефлекса ПФУ кластера *δ’k*); ср. еще венг. *tögy* (ст.-венг. *tölgv, tölgy*) ‘Euter, Gesäuge; Brust, Mamme’ < ПУ **tudka* [UEW: 533; Collinder 1960: 110—111].

(8) Распределение рефлексов *gy-* / *di-* см., например, в [Ligeti 1986: 23] или [Дыбо 2007: 30—31]. Среди слов с такими рефлексами в венгерском языке не обнаруживается таких, о которых можно было бы с уверенностью заключить, что это булгаризмы второго этапа — «дунайские». Кроме того, имеется несколько слов, этимологизируемых, в том числе в [WOT], как булгаризмы, в которых **j-* отражен как *sz-*, т. е. так, как обычно отражается ПТю **s-*. Приведем здесь эти слова²⁰.

¹⁹ Запись с вавом (*w*) и гласным обычно связана с дифтонгизацией в чувашском, но в данном случае ее нет (и есть еще слово, где недифтонгизированный передний огубленный гласный записывается регулярно так, **kwAn** **gün*, чув. *kən* ‘день’).

²⁰ Еще три этимологии с венг. *sz-* из тюрк. **j-*, предложенные Л. Рашоньи и принятые М. Палло [Palló 1961], не получили признания: 1) *szarny* ‘крыло’ из ПТю **jagrim* ‘лопаточная часть спины’; венгерское слово имеет обско-угорскую этимологию, восходя к ПОБУг **sOrV* ‘Unterschenkel’ [UEW: 890]; 2) ст.-венг. *szar, szahar* ‘шафранно-желтый’ — ПТю **jagir* ‘бурый’; семантическое соответствие неполное, к тому же в тюркизмах **agi-* обычно дает не *á*, а *ó* (никаких оснований восстанавливать ПТю **jagarš*, вопреки [Stachowski 1999: 101], тюркский материал не дает); 3) ст.-венг. *szar* ‘лишенный растительности; лысый’ — ПТю **jar-* ‘лущить, обдирать зерно’; ПТю глагол выделяется на основании якут. *sār-* ‘линять (о птицах)’, чув. *šor-* ‘лущить зерно’, тат. *jar-* ‘лущить’, которые могут быть сгруппированы и в другие этимологии (см. [ЭСТЯ 1989]); конкретного прилагательного от этого глагола, которое можно было бы признать непосредственным источником венгерского слова, в тюркских языках не обнаруживается.

1. Венг. *szérű* ‘гумно’ связывают с ПТю **jűrűk* ‘перстень’ (в связи с кольцеобразной формой). Гораздо естественнее, на наш взгляд, производить его от тюрк. **ser-ig*, **ser-gi* (ср. чув. *sarǵm* ‘раскладка снопов на току для молотбы’) к глаголу **ser-* ‘настилать, раскладывать’; ср. чув. *uray cappu* ‘половицы’ (букв. ‘настил пола’; удвоение говорит, скорее, о **sara* < **seri* < **serg/ki* [СИГТЯ 2006: 53]). См. [ЭСЧЯ 1996, 2: 14—15].

2. Венг. *szűcz* ‘скорняк’ интерпретируют как **jib-či* от **jib-* ‘шить’; ср. чув. *šə"və"-*, *šəvəs* ‘портной’. Фонетически это возможно, но семантически гораздо лучше связывать его с ПТю **soj-* ‘сдирать шкуру’ > чув. *sü-* [VEWT: 425; EDT: 858; ЭСТЯ 2003: 283—285].

3. Венг. *szől(l)ő* [MNYTESz, 3: 794] ‘виноград’ интерпретируют как **síδley* < ПТю **jidge-lek* (> чув. *širla* ‘ягода’). Некоторая сложность с вокализмом состоит в том, что в основном вторичная огубленность первого слога в венгерских тюркизмах может обеспечиваться либо пратюркским огубленным гласным второго слога (как в *bölcső* ‘люлька’, ПТю **bēlčük* > *bēšük*, как показал Г. Клосон [EDT: 381]; рефлекс немотивированного огубленного отражен в н.-уйг. *böšük*), либо влиянием на узкий гласный соседнего губного согласного (*gyümölcs*, ср. — с широким — *szemölcs* ‘прыщ’ [MNYTESz, 3: 718—719] < ПТю **čim-* ‘прыщ’, как *simiske*), либо вообще стяжением гласного с *-v-*, входящим к **b* или **g* (как в *gyúr-*). Здесь же приходится предполагать огубленность из-за второго слога *lő* < **lew* < **lek*. Почему бы не счесть это слово, например, суффиксальным образованием от угорской основы, отраженной в обско-угорском **sōy-* ‘Blaubeere; Heidelbeere’: манс. **š"wiā*, хант. **se"wəmsəy* [Honti 1982: 577]?

Остаются два слова с начальным *sz-*, которым мы не нашли альтернативной этимологии: 1. венг. *szél* (*szelet*) ‘ветер’ < ПТю **jel*, чув. *šil* (ПА **zāli*); чередующаяся долгота — по правилу Е. А. Хелимского [Хелимский 1979]; 2. венг. *szér* ‘место’ (в составе ряда топонимов); Д. Шинор [Sinor 1990] сопоставил это слово с ПТю **jer* ‘земля’ > чув. *šar*. Если эти слова, действительно, тюркизмы, то их можно относить к заимствованиям из дунайско-болгарского; в особенности, конечно, это оправдано для компонента топонимов на территории Венгрии.

(9) Здесь наша трактовка и трактовка в [WOT] различаются. В вопросах «ламбдаизма-ротацизма» А. Рона-Таш выступает как «ламбдаист», т. е. восстанавливает в ПТю **-š-*, которое в болгарской группе дает *l*, а мы — как модифицированные «сигматисты», которые восстанавливают для ПТю **-l-*, которое в болгарской группе дает *l*, а в ОТю — *-š-*. Сторонников того и другого мнения много и среди антиалтаистов, например, «сигматистом» был Г. Дерфер, посвятивший этому несколько статей, в частности под названием “Rhotazism / Zetazism plays no role!” [Doerfer 1988]. Он считал, что о праязыковом *l*-образном звуке свидетельствуют монгольские параллели, которые показывают *l* в соответствии с ОТю *š* и которые он полагал заимствованиями из пратюркского языка очень раннего состояния. Нашу точку зрения отчасти подтверждает материал китаизмов в ПТю [Дыбо 2007]: китайский латерал перед гласным заднего ряда адаптирован как ПТю **l*, перед гласным переднего ряда — как ПТю **λ* (кит. *l(h)o-sá* > ПТю **(a)lačü*, кит. *kəm-l(h)iēw* > ПТю **gümüil*). А пратюркские **l*, **λ* транскрибируются в раннеханьских транскрипциях как *l*, *lh*: ПТю **šilala* > кит. *šhāw-šhā* ‘вид лошади’, ПТю **taj-lag* ‘верблюжонок’ > кит. *thāk-lhāj* ‘верблюд’, ПТю **Kol-ut* > кит. *ywā-lwāt* ‘стоянки’. То есть при пратюркско-китайских языковых контактах пратюркский прототип общетюркского **š* и болгарского **l* соотносился с позднедревнекитайским латералом, а не с сибилантом. Таким же образом ПТю **λ* при заимствовании в прасамодийский и праенисейский языки отражается как ПС и ПЕН **l*: ПТю **kīl* ‘соболь’ > ПС **ki*, **kilz* ‘соболь’; ПТю **kalbuk* ‘ложка, ковш’ > ПЕН **KVlpV* ‘ковш’ [Дыбо 2007].

(10) С ротацизмом / зетацизмом дело обстоит аналогично ламбдаизму / сигматизму (см. выше). Модифицированно «зетацистскую» точку зрения отчасти подтверждает материал заимствований из пратюркского в прасамодийский и праенисейский языки [Дыбо 2007]: ПТю **jūr* ‘сто’ > ПС **jūr* ‘сто’, ПТю **kidir* ‘войлок’ > ПЕН **χтыр* ‘войлок, сукно’. Ср. более поздние тюркизмы в этих языках: ОТю **jūz* ‘сто’ > ПКотт **jus* ‘сто’.

(11) *x* в заднерядных словах

(12) Венгерская этимологическая традиция, в том числе [WOT], относит к древнейшим булгаризмам слова с венг. *h-* в соответствии с тюрк. **q-* (т. е. в нашей реконструкции **K-* неизвестного качества в заднерядных словах, которые действительно дали в современном чувашском *x-* в противоположность *k-* в исконно переднерядных словах). Это следующие три слова.

1. Венг. *homok* ‘песок’ [MNYTESz, 2: 139]; ПТю **Kum* ‘песок’, якут. *kumax* [VEWT: 299; EDT: 625; СИГТЯ 2000: 102; ЭСТЯ 2000: 133—134] (ПА **kūmo* [EDAL]): наличие второго слога в венгерском слове вызывает предположение о заимствовании из тюрк. двусложной формы (как в якут. или из монг.), однако *-ok* не может быть старым — конечный *-k* в старых тюркизмах закономерно переходит в *w* и отпадает, давая долготу предшествующему гласному, даже в ранних печенежских заимствованиях. Второй слог, очевидно, является следствием внутривенгерского развития с переразложением заимствованной основы (заимствовалась, вернее всего, действительно двусложная основа, поскольку нет следов чередования по долготе, которое должно было бы появиться при заимствовании краткого однослога [Хелимский 1979]).

2. Венг. *harang* ‘колокол’ (первая фиксация в 1211 г., поэтому вряд ли из монг. *xarangga* ‘гонг’; монгольское слово тибетского происхождения: тиб. *mkhar* ‘bronze’ + *rŋa* ‘kettle-drum, drum’), вопреки [MNYTESz, 2: 54—55], вряд ли из тюрк. **Kaŋan* ‘котел’ [ЭСЧЯ 1996, 2: 365; ЭСТЯ 1997: 186—187]. Скорее, можно предположить мета-

тезу в ПТю **Koŋra-gu* ‘колокол(ьчик)’: крх.-уйг. *qoŋraq, qoŋraqu*, тур. диал. *koŋrak* [VEWT: 280; TMN, 3: 526; EDT: 640; ЭСТЯ 2000: 60—61] (ПА **kōŋa* [EDAL]).

3. Для венг. *hajó* ‘корабль’ (диал. *hijjó, hijó, hijó* ‘лодка’) предложена уральская этимология — ПУ **kojwa* ‘береза’ [UEW: 169], — но семантические различия заставляют признать скорее тюркизм, как в [MNyTESz, 2: 26]: ПТю **K(i)aj-guk* ‘лодка, весло’, крх.-уйг. *qajjuq, qajjuq* (МК), тур. *kajik*, тат. *qajiq*, якут. *xajik*, диал. *xojuk* [VEWT: 233; ЭСТЯ 1997: 212—213; TMN, 3: 408—409] (ПА **gǎjá* [EDAL]).

Отнесение слов с *h-* к древнейшим заимствованиям обусловлено желанием связать их с правенгерским процессом перехода **k-* > *h* в исконно заднерядных основах. Однако есть случай, когда слово с *h-* явно имеет другое, более позднее происхождение: венг. *hurok* ‘силос’; ПТю **ukruk* ‘аркан, жердь с арканом’, крх.-уйг. *uqruq* (МК), ср.-кыпч. *oqruq* [Houtsma 1894], н.-уйг. диал. *oquruq*, туркм. диал. *uquruq*, якут. *ogūr, oguruk*, кирг. *uquruq*, но ср. в кыпчакских языках: узб. литер. *qoriq*, балк. *quruq*, тат. *korik*, башк. *qoroq*, ног. *quriq*, каз. *quriq*, ккалп. *quriq* (но кум. диал. (кайтак.) *uqruq*) [VEWT: 360; EDT: 90; ЭСТЯ 1974: 585—586]. Венгерская форма явно отражает тюркскую форму с элизией начального узкого гласного, которая характерна для кыпчакских языков; следовательно, ее можно отнести к кумано-печенежским заимствованиям.

Как справедливо указано в [Rédei, Róna-Tas 1983: 14], отражение пратюркского **q-* как *h-* может объясняться и не правенгерским процессом (возможно, и праугорским; ср. такое же развитие в мансийском языке и большинстве хантыйских диалектов), а наличием фрикативного в языке-источнике заимствования. Относительно этих возможных источников у нас имеются следующие данные.

Среди сюннских транскрипций в древнекитайском [Дыбо 2007] имеются случаи отражения начального **K-* как заднего спиранта: зап.-ханьск. *ywá Jwāt* 毳脫 ‘становища, лагерь’, **xol-ut* — архаическая форма множественного числа на *-ut* < ПТю **Kol(э)* (чув. *xüžə, xüžə, xüžə* ‘шалаш, хижина, легкое строение; юрта’, якут. *xos* ‘комната в доме; (диал.) название зимних населенных пунктов’, тув. (?) *qoš* ‘караван’, хак. *xos* ‘временная походная юрта, крытая берестой’, ср.-уйг. *qoš* ‘семья’, чаг. *qoš* ‘стоянка, лагерь’, ‘жилище’, туркм. *Goš* ‘полевой стан’, кум., кбалк. *qoš* ‘шалаш’, тат. *qiwuš* ‘шалаш’, башк. *qumuš* ‘шалаш, балаган’, ног. *qos* ‘временная юрта, шалаш, палатка’, каз. *qos* ‘маленькая походная временная юрта’, ккалп. *qos* ‘временная юрта, шалаш, палатка’, кирг. *qoš* ‘временная юрта; кочевой лагерь; воинский отряд’); зап.-ханьск. *yāt-tāj* 闕氏 [Pulleyblank 1962: 262] ‘жена шаньюя’, **xātūn* (из предположительного раннесакского **hvatujn* < Пир **hva-tāvyaini* (> согд. *xuten*) < **xwatāyn* ‘царица, первая жена царя’; сюннское слово **xātūn*, возможно, заимствовано в согд. *xātūn* [x’twn] [Gharib 1995: 431] ‘госпожа, знатная дама; вторая жена царя’, впоследствии заимствованное в древнетюркский, ср. [Benveniste 1966: 31—33]). Однако это состояние (эпоха Западная Хань) слишком далеко отстоит во времени и пространстве от интересующего нас сейчас.

Венгерский язык отражает с помощью *h-* начальный шелевой заднеязычный в заимствованиях из аланского: *hid* ‘мост’ (с чередованием долготы), осет. ирон. *xid*, дигор. *xed* [ИЭСОЯ, 2: 108]; возможно, *hüg* ‘младшая сестра’, осет. *ho* < **hwahā* — и с помощью *k-* — аланское *k-*, в том числе перед исконно заднерядными гласными: *kazdag / gazdag* ‘богатый’, осет. *qaezdyg* < **kazna-* + *-dyg* [ИЭСОЯ, 2: 302—303]. Значит, можно полагать, что венгерский процесс **k-* > *x* (которое позднее дало *h-*) прошел до контактов с аланами. Однако имеются основания подозревать, что контакты венгров и аланов примерно соответствуют по времени и локализации контактам венгров и болгар первого периода (см. выше, [Róna-Tas 2005a, 2005b]).

В позднем хазарском в X в. видим *χαχανος* (у Константина Багрянородного), *χαζαροι* [Moravcsik 1983, 2: 36], *xading* ‘береза’ (Ибн Фадлан), *xarubaliq* (Ибн Руста); в XI в. — *xilig* (Гардизи, 1050 г.) [Rédei, Róna-Tas 1983: 14].

В волжско-булгарском представлено *x* в начале слова (*xurx* ‘сорок’) и в интервокальной позиции (*toxyr* ‘девять’, *waxy-* < **oqi-* ‘читать’ [Erdal 1993: 114—116]); также ср. восточнославянское заимствование из волжско-булгарского: др.-рус. *Хопужское море* (Псковская вторая летопись, Житие Александра Невского), *Хупожское* (Софийская первая летопись под 1242 г.) [Фасмер, 4: 261].

Но в дунайско-булгарском, судя по данным заимствований в славянские языки, в начале слова было несомненное взрывное *k-*: **ковъчегъ** << ПТю **Karivčak*, *kraqu* ‘ястреб’ << ПТю **Kirkuj*; **кваръ** ‘вред’ << ПТю **Kor* (при том, что *-x-* появляется в сочетании, в конечнослоговой позиции: **дохъторъ** ‘подушка’ < **jat-ku-r*; *x-* в **хоржгы** имеет другое происхождение [Dubo 2010]). Исходя из этого, трудно предполагать **q-* > *x-* для раннебулгарского (раз в одной из его поздних версий этот переход не работал), и соответственно (если отказываться от предположения о значительном диалектном варьировании этого языкового состояния, как диктует правило «Бритвы Оккама»), наши заимствования на *h-* в венгерском языке не возводятся к этому состоянию. Однако задний фрикативный из увулярного в начале слова мы находим, во-первых, в названиях печенежских племен в греческой передаче: *Χαβουξίν* (*qabuqšin*), *Χαρο* (*qara*), *Χοπόν* (*qabqan*) [Ligeti 1986: 507—510], — во-вторых, в позднесредневековых тюркских диалектах, восходящих к половецкому (куманскому?). В половецком «армяно-кыпчакском» **q* > *x* во всех позициях (см., например, [Грунин 1967: 33; Гаркавец 1987: 127]). В «германском» диалекте “Codex Sumanicus” встречаем надежный *h* только в конечнослоговой позиции: *taoh* ‘курица’, *azih* ‘припас’ и т. д. [Ligeti 1981; Гаркавец 1987: 26]; такое развитие совпадает с современным караимским тракайским (*аях* ‘нога’) и, по-видимому, с дунайско-булгарским (ср. **дохъторъ** ‘подушка’; из болгарского именника: **дохсъ** ‘?’ и **тох** ‘лошадь’).

Возможно, что тождество кыпчакского и позднебулгарского развития в последнем случае имеет контактное происхождение; развитие же **q- > x-* естественно связать с венгерскими тюркизмами на *h-* и считать последние «кумано-печенежскими» заимствованиями (возможно, из одного из этих диалектов; печенежского?), при том, что нет данных, противоречащих этой гипотезе.

Напротив, имеется значительное количество тюркских заимствований в венгерский язык с отражением **K-* в заднерядных словах через *k-*, и из них по крайней мере десять следует определенно относить к булгаризмам (три — к дунайским булгаризмам) по другим фонетическим признакам.

1. Венг. *karó* ‘гвоздь’ [MNYTESz, 2: 387]: ПТю **Kař-guk* ‘колышек’ (др.-уйг. *qazyuq*, крх.-уйг. *qazyuq* (МК) [EDT: 682²¹; VEWT: 243; ЭСТЯ 1997: 190—191]; ПА **gařa* ‘острие, лезвие’ [EDAL: 483; ОСНЯ, 1: 226]).

2. Венг. *kút* ‘колодець’ (с чередованием долготы: *kutat*) [MNYTESz, 2: 685], впервые под 1055 г.: ПТю **Kud-* ‘лить, сыпать’, **Kud-ug* ‘колодець’ (др.-уйг. *qud-*, *quduy*, крх.-уйг. *quj-* (МК), *quduy* (МК, QB), чув. *xiv-*, якут. *kut-*, тув. *qut-*, тоф. *qut-/d-*, туркм. *Guj-*, *Gujī*) [VEWT: 296; EDT: 596, 598; ЭСТЯ 2000: 109—111, 119—120; Мудрак 1994: 102; ЭСЧЯ 1996, 2: 379]; ПА **kùdá* [EDAL]. Относительно ПТю **-d >* чув. *-j* на конце основы см. [СИГТЯ 2006]: это закономерное развитие. Венгерское слово, вопреки [MNYTESz, 2: 685], не может восходить к **Kud-u* с редукцией последнего гласного: по правилу в [Хелимский 1979: 124], оно должно в этом случае «держаться» долготу без чередования. Скорее всего, это не **kudu*, а **kud* — именная основа, омонимичная глагольной. Отметим рефлекс **d* в конечнослоговой позиции.

3. Венг. *kos* ‘баран’ [MNYTESz, 2: 585] (впервые под 1138 г.), *kofu*: ПТю **Koř* ‘баран’ (чув. формы нет, др.-уйг. *qořqar*, *qořuqar*, крх.-уйг. *qořqar* (МК), чаг. *qoř*, *qořqar*, узб. диал. *yoř*, *qořqar*, хал. *Goř*, тур. *koř*, *kořkar*, гаг. *koř*, аз. *Goř*, туркм. *Goř*, *GořGar*, ккалп. *yoř* (под туркм. влиянием), *qořqar*) [СИГТЯ 2000: 432; TMN, 3: 539, 540—541; EDT: 592; ЭСТЯ 2000: 87—88]; ПА **k/k'oř'V* [EDAL].

4. Венг. *koporsó* ‘гроб’ [MNYTESz, 2: 566] (впервые под 1372 г.), *coporfo*, *kaparso* (1794 г.): ПТю **Kapirčak* ‘ящик, гроб’ (чув. формы нет, крх.-уйг. *qapirčaq* (МК)) [EDT: 587; ЭСТЯ 1997: 276—278]; ПА **k'ap'a* [EDAL]; *a > o* — собственно венгерский переход (под влиянием *p*).

Эти два последних слова мы определенно относим к ранним булгаризмам из-за рефлексии ПТю **o* как *o* (не *a*) и ПТю **č* как *s* не перед *i*, *i* [Дыбо 2011]; известно, что в кумано-печенежских заимствованиях оно отражается как *cz*, но так же, по-видимому, оно отражается и в поздних булгаризмах: ср. венг. *csavar-* ‘крутить, наматывать’, ПТю **čebir-* ‘крутить, поворачивать’ (чув. *šavar-* / *šar-*, якут. *sebirij-* ‘раскручиваться (о конце крученой нитки)’, крх.-уйг. *čevür-* (МК), чаг. *čewür-* [Sangl.], н.-уйг. *čäbir-*, тур. *čevir-*, гаг. *čevir-*, аз. *čevir-*, туркм. *čövür-*, кар. *civir-*, *čevir-*, кум. *čüjür-* ‘заворачивать’, ног. *šüjir-* ‘крутить (юлу)’, кбалк. *čüjür-* ‘подвернуть, засучить’) [VEWT: 102; EDT: 398; ЭСЧЯ 1996, 2: 80]. Дунайско-булгарский источник заимствования доказывается отражением гласных (см. выше).

5. Венг. *karvaly* ‘кобчик’ (ср. ю.-слав. *кравуй*): ПТю **Kirkuj* ‘ястреб, сокол’ (чув. *xərxi*, крх.-уйг. *qiryuj* (МК)) [VEWT: 266, 269; EDT: 654—655; ЭСТЯ 2000: 231, 232—235]; ПА **kīra* [EDAL]. Относим это заимствование к булгаризмам из-за отражения ПТю **i* как *a*.

6. Ст.-венг. *karamó* ‘корь’ [Ligeti 1977—1979, 1: 43]: ПТю **kiřil-mik*, **kiřla-mik* ‘корь’ (чув. *xərləxen*) [ЭСТЯ 2000: 192]; ПА **k'jūru* [EDAL]. Относим это заимствование к булгаризмам из-за отражения ПТю **i* как *a*.

7. Венг. *kapu* ‘ворота’ [MNYTESz, 2: 367] (впервые под 1009 г. — *kopus*, 1332 г. — *chapu*): ПТю **Kap-ug*, **Kap-gu* ‘ворота’ (орхон., др.-уйг. *qapaу*, *qariу*, орхон. *qaruī*, крх.-уйг. *qaruу* (МК), чаг. *qapu* [Houtsma 1894; Pav. C. 1820], *qabuу* (QB), *kabag* (CC) ‘дверь’, узб. *qarqa*, н.-уйг. диал. *qobuу*, тур. *kapı*, аз. *Gapı*, туркм. *Gapı*, салар. *qāvu*, кар. *qabaq*, кум. *qapu*, *qabaq*, тат. *qarqa*, башк. *qarqa*, ног. *qarı*, каз. *qarı*, *qarqa*, ккалп. *qarı*, *qarqa*, кирг. *qarqa*) [VEWT: 203; TMN, 3: 369; ЭСТЯ 1997: 160, 263—264, 274—275; СИГТЯ 2000: 510; ЭСЧЯ 1996, 2: 358—359]. Тюрк. *>* монг. *qabqa* ‘ворота’ [TMN, 3: 371, 415]. Чув. *xarxa* по вокализму — либо ранний татаризм (ср. *x-*), либо обратный монголизм (кыпчакские и узбекская формы вида *qarqa*, скорее всего, также монголизмы). Позднехазарские формы видим в топониме *xarubaliq* (см. выше) и восточнославянском заимствовании (из волжско-булгарского?): др.-рус. *Хопужьское море* (Псковская вторая летопись, Житие Александра Невского), *Хупожское* (Софийская первая летопись, под 1242 г.) [Фасмер, 4: 261]. Венгерское слово могло бы быть из ст.-тур. *kapu* (краткий узкий гласный на конце слова, который не отпал и не удлинился под влиянием отпавшего **-g*), но ранняя встречаемость противоречит этой гипотезе; тогда наиболее вероятно, что это булгаризм — из **qap-уи*, с обычным развитием (*Cy > v > Ø*).

8. Венг. *kar*, *karok* (PL) ‘рука (arm)’ [Ligeti 1933; MNYTESz, 2: 369]: ПТю **Kar-* ‘рука (верхняя часть), предплечье, различные меры длины’ (чув. *xor* ‘мера, равная двойному расстоянию от локтя до конца среднего пальца, «веревочный локоть», *alь xursi* ‘часть руки от кисти до локтя’) [TMN, 3: 461—462; ЭСТЯ 1997: 278—283; Дыбо 1996: 160—164; ЭСЧЯ 1996, 2: 361; СИГТЯ 2000: 246—247]; ПА **gàra* [EDAL]. Венгерское слово формально могло бы восходить либо к булг. **kar*, либо к кыпч. *qarı* ‘верхняя часть руки’ с редукцией конечного узкого гласного, но

²¹ Но вряд ли к **Kař-* ‘копать’.

вторая гипотеза предполагала бы удлинение первого гласного вследствие отпадения конечного узкого; следовательно, это, скорее, болгаризм.

Следующие слова есть основания (по отражению вокализма) относить к дунайско-булгарским заимствованиям:

9. венг. *kár* ‘вред’ [Ligeti 1977—1979, 1: 3—4] (ср. слав. *kvarъ*): ПТю **Kōr* ‘вред, убыток’ (чув. *xor* ‘обида, несчастье’, якут. *kuor* ‘грязь, трупный запах’ [Пекарский], др.-уйг. *qor*, крх.-уйг. *qor* (МК), алт. *qor*) [EDT: 641—642, 645—646; ЭСТЯ 2000: 73—74; ЭСЧЯ 1996, 2: 369]; ПА **k'ōru* [EDAL];

10. венг. *karám* ‘загон’: ПТю **Kōri-* ‘защищать, загораживать’ (енис. *qori-*, крх.-уйг. *qori-* (МК), туркм. *Gōri-*, *Gōra-*) [VEWT: 282; EDT: 645—646; СИГТЯ 2000: 486—487, 575; ЭСТЯ 2000: 76—78]; ПА **k'ōra* [EDAL];

11. венг. *kaka* ‘камыш’: ПТю **Kōka* ‘вид тростника’ (узб. *qoqa*, тур. *kova*, диал. *koqa*, кар. *qoqa*, кум. *qoqa*, тат. *quqa*, башк. диал. *quqa*, ног. *qoqa*, каз. *qoqa*, ккалп. *qoqa*, алт. *qoqo*) [VEWT: 275; ЭСТЯ 2000: 10—11]; ПА **gokV* ‘вид тростника или дикого лука’ [EDAL]; долгий гласный восстановлен по поведению срединного сочетания (озвонченный сильный — в позиции после долгого [СИГТЯ 2006]).

Для остальных шести слов источники не определяются твердо:

12. венг. *kóró* ‘сухой стебель’: ПТю **Kubri-k*, *-gak* (чув. *xura* ‘сухой стебель’ [ЭСЧЯ 1996, 2: 361—362]); ПА **k'obe* [EDAL];

13. венг. *kor* ‘период времени, возраст’: ПТю **Kur* ‘ранг, степень, ряд; время, раз’ (чув. *x̄rax*, др.-уйг. *qur*, крх.-уйг. *qur* (МК), туркм. *Gor* ‘слой, уровень’) [EDT: 642; ЭСТЯ 2000: 73, 151—152; VEWT: 301—302]; ПА **kjōru* [EDAL];

14. венг. *korom* ‘сажа’: ПТю **Kurum* ‘сажа, копать’ (чув. (анатри) *x̄ḡm*, крх.-уйг. *qurun* (МК), туркм. *Gurum*) [СИГТЯ 2000: 206, 371—372; EDT: 661; ЭСТЯ 2000: 169—170]; ПА **k'jūru(mV)* [EDAL];

15. венг. *komló* ‘хмель’: ПТю **Kumlak* ‘хмель’ (чув. *x̄'mla*, хак. *xumnaq*, шор. *qimnaq*, крх.-уйг. *qumlaq* (МК), тат. *qolmaq*, диал. *qomlaq*, *qomalaq*, алт. *qumdaq*, *qumanaq*) [VEWT: 299; EDT: 628; ЭСТЯ 2000: 138—139]; ПА **k'jōmo(IV)* [EDAL];

16. венг. *kín* ‘мучение’: ПТю **Kijn* ‘вина’ (чув. *x̄n*) [VEWT: 264; EDT: 631; ЭСТЯ 2000: 218—219]; ПА **k'jūna* [EDAL]. Стяжение **j̄* в ПТю могло вызвать в венгерском языке нестандартное отражение — в виде *í*, а не *á* (см. выше о вокализме).

Эти приведенные выше слова (12—16) могут быть болгаризмами (как ранними, так и поздними), а могут быть раннекыпчакскими («куманскими») заимствованиями.

17. Венг. *kobak* ‘тыква’ [MNyTESz, 2: 507] (впервые под 1340 г.?, 1803 г. — *kabak*, 1792 г. — *kubak*): ПТю **Kāpak* (*qabaq* (МК), *cabuc* (СС), туркм. диал. *qāvaq*; распространение — огузские, кыпчакские и карлукские языки) [ЭСТЯ 1997: 162—163; EDT: 582]; см. разбор выше. Если встреченное под 1340 г. имя собственное имеет сюда отношение, то можно считать заимствование позднебулгарским, кумано-печенежским или позднекыпчакским («ногайским»). Если нет, то мы имеем дело с заимствованием из турецкого языка, что весьма вероятно: ср. слабую распространенность слова в славянских языках — только вост.-слав. (из крымско-татарского) и болгарские диалекты [Фасмер, 2: 148].

18. Венг. *koboz* ‘лютня, цитра’ [EWU: 763] (с 1193 г. — топоним *coboz*, под 1326 г. — *Kobzus*, 1620 г. — *koboznak*): ПТю **Kopuř* ‘вид музыкального (струнного) инструмента’ (тоф. *xobus*, шор. *qobus*, др.-уйг. *qoruz*, крх.-уйг. *qoruz* (МК), чаг. *qoruz* [Боровков 1961], ср.-кыпч. *qobuz* [АН], узб. *qobiz*, н.-уйг. *qowuz*, тур. *kopuz*, туркм. *Goruz*, кар. *qobuz*, кбалк. *qobuz*, тат. *qubiz*, башк. *qubid*, ног., каз., ккалп. *qobiz*, кирг. *qobuz*) [VEWT: 281; EDT: 588; TMN, 3: 535—537; СИГТЯ 2000: 614; ЭСТЯ 2000: 69—71]. Чув. *kurьs* ‘скрипка, гармошка’ из тат.; см. выше. Если ранний топоним сюда относится, то венгерское слово должно быть кумано-печенежским заимствованием (не булгарским, ср. *-z*); если нет, это может быть «ногайское» заимствование.

19. Еще один случай — ранее определенное нами как кыпчакское заимствование венг. *kuvasz* ‘дворняга’ [MNyTESz, 2: 688] (впервые под 1511 г. — ‘волкодав’), ср. кыпч. *kubas* [АН] ‘породистая собака’. Скорее всего, это позднее кыпчакское заимствование в ногайской фонетике: ср. балк. *к̄убас* ‘желтый’ (в частности, о масти животного); о ПТю **Kuba* ‘желтый’ (о масти) см. [ЭСТЯ 2000: 94].

Из приведенных примеров можно заключить, во-первых, что выбор *k-* или *h-* в венгерском языке не обнаруживает никакой корреляции с качеством праалтайского начального согласного (**g-*, **k-* или **k-*); во-вторых, что венгерские тюркизмы с начальным *h-*, вернее всего, являются кумано-печенежскими (печенежскими?) заимствованиями: соответственно, группа примеров 8—10 будет считаться дунайско-булгарской, а примеры 12—16 — не кумано-печенежскими, т. е. либо ранними, либо поздними болгаризмами.

(13) В отличие от реконструкции, принятой А. Рона-Ташем, мы, вслед за З. Гомбоцем и позже В. М. Иллич-Свитычем и С. А. Старостиным, реконструируем для пратюркского языка противопоставление начального **k-* / **g-* в переднерядных словах. Основание для этого — различие по глухости / звонкости в огузских языках. Полный материал выписан, например, в [СИГТЯ 2002: 87—90]: 42 примера на «чистое» ПТю **k-*, 4 необъясненных отклонения, 51 пример на «чистое» ПТю **g-*, 5 необъясненных отклонений. Что касается заимствований в венгерский язык, картина следующая.

В переднем ряду регулярное отражение ПТю *k- / *g- > k-.

Булгарские ранние заимствования

ПТю *k-:

1. венг. *kölczön* ‘долг’ < ПТю **Keβi-lč-* ‘пищевой подарок; долг’ (крх.-уйг. *kefšej* (МК), чув. *kivžen* [Мудрак 1994: 89; EDT: 585, 691; ЭСЧЯ 1996, 1: 290—291]); вряд ли из монг. *kölüsün* [Róna-Tas 1988]; ПА **k'èpü* [EDAL];
2. венг. *kóris* ‘ясень’ < ПТю **Keβrűč* ‘ясень’ (чув. *kavъръś, kavръś*) [EDT: 690; VEWT: 245; ЭСТЯ 1997: 152; СИГТЯ 2000: 136; Bläsing 2002; Дыбо 2006: 52], ПА **k'ibà* [EDAL];
3. венг. *kis* ‘маленький’ < ПТю **kičü-k/-g* (чув. *kəžən*) [VEWT: 269; EDT: 696; ЭСТЯ 2000: 75—77] < ПА **k'ičV* [EDAL]; неясен тип основы в источнике: в тюркских языках основы **kič* и **kičü*, которые формально могли бы служить источником венгерской формы, не представлены, огузские и кыпчакские формы, оканчивающиеся на гласный, восходят к **kičü-g*, которое должно было бы дать в венгерском ***kisü*;
4. венг. *könyv* ‘книга’ < ПТю **küjn-ig* < кит. [Дыбо 2010].

ПТ *g-:

1. венг. *ködmön* ‘шуба; крестьянская меховая куртка’ [MNYTESz, 2: 603] (впервые в 1317 г.) < ПТю **gäd-* ‘надевать’, **gäd-im* ‘одежда’ [EDT: 700; VEWT: 246; ЭСТЯ 1980: 121; СИГТЯ 2000: 472—473]; заимствование раннее (ср. отражение -*δ-* как -*d-*); проблему представляет др.-рус. *къдманъ, къдмань* ‘плащ, свита (в контексте — монашеская)’ (Кирилл Туровский [Срезневский, 1: 1388], позже — в делах Воронежской приказной избы, 1631 г., 1644 г.), ‘женская суконная одежда синего цвета’, *къдманьскъ* ‘идуший обычно на кодманы’ (о сукне) [СРЯ XI—XVII, 7: 217], рус. диал. *кодман* ‘вид верхней женской одежды из тонкого синего сукна’ (ряз., тул.) [СРНГ, 14: 45; Фасмер, 2: 275]; объяснение из венг. маловероятно (по крайней мере для Кирилла Туровского — XII в.), заимствование из волжско-булгарского также невозможно (-*δ-* должно было перейти в *r*), никаких южнославянских следов слова не обнаруживается, подозрительна привязка русского слова к территориям верхнего Дона (сепаратное аланское заимствование?; в осетинском не зафиксировано);
2. венг. *kép* ‘лицо, образ, картина’ [MNYTESz, 2: 447—448] (впервые в 1315 г.) < ПТю **gāp* ‘форма, пример, изображение’ (> чув. *kap*) [EDT: 686; VEWT: 253; ЭСТЯ 1997: 44—45];
3. венг. *kőrő* ‘хрупкий’ < ПТю **geb-re-(k)* ‘слабеть, становиться хрупким; хрупкий’ (> чув. *kavraj-* ‘истлевать’) [EDT: 690; ЭСТЯ 1980: 7; Dybo 2010];
4. венг. *késik* (диал. и истор. -*ě-*) ‘опаздывать’ [MNYTESz, 2: 469] (с 1138 г.) < ПТю **gēc-* ‘опаздывать’, **gēc-ě* ‘поздний; ночь, вечер; вчера’ (> чув. *kaś, якут. kiehe, тув. kežē, тоф. keže, хак. kižē, шор. kečik* [Вербицкий 1884], с.-юг. *kiče, др.-уйг. keč, keč-, keče, крх.-уйг. keč* (QB, МК), *keč-* (МК), *kečä* (QB, МК), чаг. *geče* [Pav. С. 1820], узб. *keča, н.-уйг. káčä, тур. geç, gece, гаг. gecä, аз. gecä, туркм. gič, gīže, салар. gāži, хал. kīčä, кар. geže, кум. geče, кбалк. keč, keče, тат. kič, kičä, башк. kis, kisä, ног. keš, каз. keš, kešä, ккалп. keš, кирг. keč, kečē, алт. keč, keče*) [VEWT: 245; EDT: 692—693, 694—695; ЭСТЯ 1980: 40—41, 50—51; СИГТЯ 2000: 82]; это булгаризм, поскольку венг. *s* < ПТю **č*;
5. венг. *kepe* ‘солома’ [Gombocz 1912] < ПТю **göpe(ne)* ‘стог сена’ (туркм. *geben, тат. kübe, башк. kübä, чув. koba*) [ЭСТЯ 1997: 15, 80; ЭСЧЯ 1996, 1: 308—309];
6. венг. *kék* ‘синий’ [MNYTESz, 2: 426—427] (с 1216 г.) < ПТю **gōk* ‘синий, зеленый’ (> чув. *kъ "vak, якут. küöx, туркм. gōk, хал. kīēk*) [VEWT: 287; TMN, 3: 640—642; EDT: 708—709; ЭСТЯ 1980: 66—68; СИГТЯ 2000: 60, 604]; старовенгерские варианты с огубленным гласным (в 1268 г. — *kyk-*, 1341 г. — *kevk-* и др.) могут отражать кыпчакское заимствование;
7. венг. *keselyű* ‘стервятник’ [MNYTESz, 2: 467] (с 1233 г., *Keseleu*) < тюрк. **gōlūči-lgü* ‘орел’, ср. ср.-кыпч. *küčigen* [Houtsma 1894], тур. *gücügen, göcegen, сиб.-тат. köcögän, башк. диал. kösögän, каз. küšigen, ккалп. küšigen, кирг. küčügen, телеут. küčügen* [TMN, 3: 631; ЭСТЯ 1997: 130], долгота может быть восстановлена по озвончению среднего согласного в турецком; это булгаризм, поскольку венг. *s* < ПТю **č*, сокращение гласных, видимо, вторичное;
8. венг. *kéneső* ‘ртуть’ [MNYTESz, 2: 442; Ligeti 1986: 303—304] (с 1525 г.), ср. тюркское название ртути: др.-уйг. *köne suvi* [Rachmati 1930], *könüg suv* (в китайско-уйгурском словаре), *kōne suw* [IM], ср.-кыпч. *kōneisuv* [Houtsma 1894: 100], куман. *kōnesuv, kōnesui, кум. gōnesuv, балк. ginesuw, тат. küne sui, ног. kōnesuv* [EDT: 726; VEWT: 290]; возможно, однако, что это китаизм: из ср.-кит. *kōuy*, кит. 汞 *gōng* ‘ртуть’ [Дыбо 2007: 73]; венгерское заимствование — из булг., поскольку сохраняет булг. *š-* во втором элементе; огузских примеров нет, но китайский непридыхательный при заимствовании в пратюркский язык обычно отражается как звонкий [Дыбо 2007].

Неясна пратюркская звонкость / глухость:

1. венг. *gövény* ‘хорек’ [MNYTESz, 1: 1089] (с 1221 г.), *geren* < ПТю **Küren* ‘хорек’ [VEWT: 312; EDT: 761; ЭСТЯ 1997: 87; СИГТЯ 2002: 164]; булгарское заимствование (по *r* < **ř*);
2. венг. *güzü* ‘полевая мышь’ (видимо, диалектная форма, в 1873 г. — еще *i*; с 1198 г. — *guzu, 1395 г. — gezew*) [MNYTESz, 1: 1113] < ПТю **Küskö* [СИГТЯ 2000: 167; ЭСТЯ 1997: 153—154], внешних параллелей пока не обнаружено; отметим озвончение середины (может указывать на дунайско-булгарское происхождение);
3. венг. *gödény* ‘пеликан’ [MNYTESz, 1: 1082] (с 1138 г.) < ПТю **Kutan* [ЭСТЯ 2000: 83—85]; развитие переднего ряда в венг. объясняется заимствованием из тюркского переднерядного варианта, тождественного якутскому диалектному *küten*; булгаризм, возможно, дунайский (ср. озвончение середины слова).

Кроме того, в [WOT] как примеры возможных болгарских заимствований с венг. *g-* разбираются слова *gaz* и *görhö*.

В [WOT: 348], несомненно, дана ошибочная этимология венг. *gaz* ‘тростник’: это очевидный иранизм (аланизм), ср. осет. дигор. *gäza*, ирон. *güz* ‘тростник, камыш’, хот. *gaysa-* (= *gaza*) ‘тростник, камыш’. Семантические проблемы, возникающие при принятии гипотезы о заимствовании венгерского слова из иранских языков, про которые А. Рона-Таш пишет в [WOT: 363], надуманы. Слово восходит к праиндоевропейскому корню со значением ‘палка, трость, жезл’ [ИЭСОЯ, 2: 303], его параллели в других языках значат ‘хворост’ и ‘тамариск’, т. е. обозначают кустарник, идущий на топливо. Заимствования из осетинского в чеченский и ингушский языки также дают значение ‘тростник’. Предположения в [WOT] о возможном словообразовании в тюркском носят крайне ненадежный характер.

Про венг. *görhö* ‘вид бисквита’ в [WOT] указывается, что предположение о заимствовании из болгарского ненадежно.

(14) И в чувашском, и в болгарском рефлекс *-m-* выступает в огубленном окружении.

Таким образом, материал тюркизмов в венгерском языке оказывается бесценным источником по раннему облику древнеболгарского языка, а также почти единственным источником по раннему диалекту болгарского — дунайско-болгарскому. Второй важный источник по дунайско-болгарскому — заимствования из него в южнославянские языки. Оказывается, что можно достаточно подробно проследить историю развития вокализма и консонантизма от пратюркского языка через древнеболгарский к дунайско-болгарскому и волжско-болгарскому состояниям. Интересно, что развитие дунайско-болгарского в ряде отношений отличается от волжско-болгарского, приведшего впоследствии к чувашскому состоянию.

Заключение

Оказывается, что анализ адаптации тюркских заимствований в финно-угорских языках в ряде случаев позволяет получить дополнительную информацию об истории и становлении фонетической системы языка-источника.

Так, анализ заимствований из татарского в мордовских, марийском и удмуртском языках позволяет уточнить этапы развития гласных от раннего старотатарского к современному татарскому языку. На основании анализа заимствований в мордовских и марийском языках можно сделать предположение, что при изменении системы гласных: **i > e*, **e > i*, **u > o*, **o > u*, **ü > ö*, **ö > ü* — процесс «преломления» начался с гласных среднего подъема: **o > u* (морд.) и **ö > ü* (мар.). Исследование заимствований в общеудмуртском и северных удмуртских диалектах показывает, что в последнюю очередь закончился переход узких гласных (в частности, **u > o*).

Интересные данные дает анализ заимствований в мансийском языке. Оказывается, что на момент заимствования еще не произошло изменение общетатарских гуттуральных согласных: **k > k, g, x, ɣ*; **g > g, v*, — потому что в мансийском языке в заимствованных словах отражается общетатарский согласный. На основании этих данных можно предположить, что этот переход завершился сравнительно недавно.

Изучение волжско-болгарских заимствований в марийском языке, число которых, по данным словаря [ЭСЧЯ 1996], превышает 400, дает новый материал для истории становления чувашского языка, значение которого трудно переоценить. Чувашский язык — самый архаичный и наиболее рано отделившийся из тюркских языков, а данные по его истории до сих пор ограничивались весьма небольшим количеством волжско-болгарских эпитафий. Предложенная нами гипотеза о том, что язык-источник марийских заимствований был предком волжско-болгарского языка эпитафий, находится в полном соответствии с археологическими данными и открывает новую страницу в изучении болгарской ветви тюркских языков.

Сокращения

Языки и диалекты

аз. — азербайджанский	теленг. — теленгитский
алт. — алтайский	телеут. — телеутский
куманд. — кумандинский	туб. — тубаларский
лебед. — лебединский	балк. — балкарский

- башк. — башкирский
болг. — болгарский
булг. — болгарский
венг. — венгерский
гаг. — гагаузский
др.-венг. — древневенгерский
др.-огуз. — древнеогузский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
енис. — енисейский рунический
зап.-ханьск. — язык династии Западная Хань
каз. — казахский
кар. — караимский
 крым. — крымский диалект
кбалк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский
кит. — китайский
ккалп. — каракалпакский
кног. — караногайский
кр.-тат. — крымско-татарский
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский
кум. — кумыкский
 кайт. — кайтакский диалект
куман. — куманский
 СС — куманский язык, язык памятника “Codex Cumanicus” (нач. XIV в.)
кыпч. — кыпчакские
манс. — мансийский
 вост. — восточномансийские диалекты
 зап. — западномансийские диалекты
 сев. — северномансийские диалекты
 LO — верхнелозьвинский диалект
 So — сосвинский диалект
 южн. — южномансийские диалекты
мар. — марийский
 В — восточномарийские диалекты
 Г — горномарийский
 Л — луговой марийский
МК — язык Махмуда Кашгарского (XI в.)
монг. — монгольский
морд. — мордовские
 мокш. — мокшанский
 эрз. — эрзянский
ног. — ногайский
н.-уйг. — новоуйгурский
орхон. — орхонский
осет. — осетинский
 дигор. — дигорский диалект
 ирон. — иронский диалект
ОТю — общетюркский
ПА — праалтайский
ПЕн — праенисейский
ПИр — праиранский
ПКотг — пракоттский
ПМанс — прамансийский
ПОБУг — праобско-угорский
ПС — прасамодийский
ПТю — пратюркский
ПУ — прауральский
ПУг — праугорский
ПФУ — прафинно-угорский
ПХант — прахантыйский
рус. — русский
 ряз. — рязанские говоры
тул. — тульские говоры
салар. — саларский
сиб.-тат. — сибирско-татарский
 бар. — барабинский диалект
 зап.-сиб. — западно-сибирский диалект
Кар. — говор с. Большой Карагай Вагайского района Тюменской области
Кошкул. — говор п. Кошкуль Чановского района Новосибирской области
кузн. — кузнецкие говоры
Кум. — говор д. Кумыслы Омской области
Кукр. — говор д. Кукренде Тобольского района Тюменской области
лайт. — говор с. Лайтамак Тобольского района Тюменской области
мит. — митькинский говор (Тюменская область)
М. Уват — говор д. Малый Уват Вагайского района Тюменской области
Супра — говор с. Супра Вагайского района Тюменской области
тар. — тарские говоры
тоб. — тобольский говор
тоб.-ирт. — тоболо-иртышские говоры
том. — томские говоры
Тугыз — токузские говоры (Тюменская область)
тюм. — тюменские говоры
южн.-урал. — южно-уральский диалект
юрш. — иртышатские говоры (Тобольский район Тюменской области)
я.-кул. — яланкульский говор (Омская область)
ү-кул. — уленкульский говор (Омская область)
слав. — славянские
 вост.-слав. — восточнославянские
 ю.-слав. — южнославянские
согд. — согдийский
ср.-кит. — среднекитайский
ср.-кор. — среднекорейский
ср.-кыпч. — среднекыпчакский
ср.-уйг. — среднеуйгурский
ст.-болг. — староболгарский
ст.-венг. — старовенгерский
ст.-тат. — старотатарский
ст.-тур. — старотурецкий
с.-юг. — сарыг-югурский
тат. — татарский
тиб. — тибетский
ТМ — тунгусо-маньчжурские
тоф. — тофаларский
тув. — тувинский

- тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 тюрк. — тюркские
 удм. — удмуртский
 узб. — узбекский
 уйг. — уйгурский
 хак. — хакасский
 хал. — халаджский
 хант. — хантыйский
 вост. — восточнохантыйские диалекты
 J — юганский говор
 Mj — малоюганский говор (говор по р. Малый Юган)
 Trj — тромъеганский говор
 V — ваховский диалект
 VT — ваховский диалект в записях Н. И. Терешкина
 Vj — васюганский диалект
 сев.-зап. — северо-западные диалекты хантыйского языка
 Ahl — березовский говор (говор с. Березово) в записях А. Альквиста
 Kaz — казымский диалект
 Š — шеркальский диалект в записях В. Штейница
 ю.-зап. — юго-западные диалекты хантыйского языка
 DN — верхнедемьянский говор
 DT — нижнедемьянский говор
 Irt — иртышский диалект
 Fil — говор юрт Филинских на р. Иртыш
 Sav — говор юрт Саводных (Саводинских) на р. Иртыш
 Sog — согомский говор, говор д. Согом на р. Согом (притоке р. Иртыш)
 Ts — цингальский (цингалинский) говор (говор с. Цингалы) на р. Иртыш
- Ко — кондинский диалект
 КоО — верхнекондинский говор
 КоР — говор юрт Каменских на р. Конда
 Коš — говор юрт Кошелевских на р. Конда
 Кг — говор юрт Красноярских на р. Конда
 Тš — говор д. Чесноково на р. Конда
 Кам — каминский говор
 Ni — низямский диалект
 SaГ — салымский диалект в записях Н. И. Терешкина
 Т — хантыйские говоры в записях Н. И. Терешкина, сделанных после 1945 г.
 Vol — хантыйские данные в записях свящ. П. Вологодского
- хот. — хотанский
 ц.-слав. — церковнославянский
 чаг. — чагатайский
 чув. — чувашский
 А — диалект анатри, низовой диалект
 В — диалект вирьял, верховой диалект
 чул. — чулымский
 шор. — шорский
 якут. — якутский
 АН — древнененгерский в записи [WOT]
 ЕАН — раннедревнененгерский в записи [WOT]
 ЛОН — позднедревнененгерский в записи [WOT]
 PFUgr — прафинно-угорский в записи [WOT]
 POsty — прахантыйский в записи [WOT]
 POUgr — праобско-угорский в записи [WOT]
 PT — пратюркский в записи [WOT]
 PUgr — праугорский в записи [WOT]
 PVog — прамансийский в записи [WOT]
 QB — язык рукописи «Кутадгу Билиг»
 VBulг — волжско-булгарский в записи [WOT]

Общие

- букв. — буквально
 диал. — диалект, диалектный
 зад. р. — задний ряд
 заим. — заимствование
 истор. — исторический
- литер. — литературный
 пер. р. — передний ряд
 совр. — современный
 эпит. — эпитафия
 С — согласный
- К — заднеязычный согласный
 N — носовой согласный
 P — губной согласный
 PL — множественное число
 V — гласный

Литература

- Ахатов 1960 — Ахатов Г. Х. Язык сибирских татар: Фонетические особенности. Уфа, 1960. {*Axatov G. X. Jazyk sibirskix tatar: Fonetičeskie osobennosti. Ufa, 1960.*}
- Ахметьянов 1981 — Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. {*Axmet'janov R. G. Obščaja leksika duhovnoj kul'tury narodov Srednego Povolž'ja. M., 1981.*}
- Ахметьянов 1989 — Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989. {*Axmet'janov R. G. Obščaja leksika material'noj kul'tury narodov Srednego Povolž'ja. M., 1989.*}
- Ахметьянов 2004 — Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Дүрт томда. Т. 1. А—Й. Бирск, 2004. {*Axmet'janov R. G. Tatar teleneñ etimologik süzlege: Dürt tomda. Vol. 1. A—J. Birsck, 2004.*}
- Боровков 1961 — Боровков А. К. «Бадә'и ал-лугат»: Словарь Тә'ли Имәни Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961. {*Borovkov A. K. "Badä'i al-luğat": Slovar' Tā'li Imāni Geratskogo k sočinenijam Ališera Navoi. M., 1961.*}
- Бутилов 1998 — Бутилов Н. В. Тюркские заимствования в мордовских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 1998. {*Butylov N. V. T'urkskie zaimstvovanija v mordovskix jazykax. Diss. ... kand. filol. nauk. Saransk, 1998.*}

- Вербицкий 1884 — *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. {*Verbickij V. I. Slovar' altajskogo i aladagskogo narečij t'urkskogo jazyka. Kazan', 1884.*}
- Гаркавец 1987 — *Гаркавец А. Н.* Кыпчакские языки: Куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата, 1987. {*Garkavec A. N. Kurčakskie jazyki: Kumanskij i arm'ano-kurčakskij. Alma-Ata, 1987.*}
- Гиганов 1801 — *Гиганов И.* Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского Собора священником Иосифом Гигановым. СПб., 1801. {*Giganov I. Grammatika tatarskogo jazyka, sočinennaja v Tobol'skoj glavnoj škole učitelem tatarskogo jazyka, Sofijskogo Sobora sv'ščennikom Iosifom Giganovym. SPb., 1801.*}
- Гордеев 1979—1983 — *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1—2. Йошкар-Ола, 1979—1983. {*Gordeev F. I. Etimologičeskij slovar' marijskogo jazyka. Vol. 1—2. Joškar-Ola, 1979—1983.*}
- Грунин 1967 — *Грунин Т. И.* Документы на половецком языке XVI века: Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины. М., 1967. {*Grunin T. I. Dokumenty na poloveckom jazyke XVI veka: Sudebnye акты Kameneć-Podol'skoj arm'anskoj obščiny. M., 1967.*}
- Дыбо 1996 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. {*Dybo A. V. Semantičeskaja rekonstrukcija v altajskoj etimologii: Somatičeskie terminy (plečevoj pojās). M., 1996.*}
- Дыбо 2005 — *Дыбо А. В.* Дентальные взрывные в пратюркском // Аспекты компаративистики. Вып. 1. М., 2005. С. 49—82. {*Dybo A. V. Dental'nye vzryvnye v prat'urkskom // Aspekty komparativistiki. Vol. 1. M., 2005. P. 49—82.*}
- Дыбо 2006 — *Дыбо А. В.* Монгольские названия деревьев в алтайском словаре // Трофим Алексеевич Бертагаев: К 100-летию со дня рождения. Элиста, 2006. С. 42—64. {*Dybo A. V. Mongol'skie nazvanija derev'ev v altajskom slovare // Trofim Alekseevič Bertagaev: K 100-letiju so dn'a roždenija. Elista, 2006. P. 42—64.*}
- Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: Пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V. Lingvističeskie kontakty rannix t'urkov. Leksičeskij fond: Prat'urkskij period. M., 2007.*}
- Дыбо 2009 — *Дыбо А. В.* Ранние контакты тюркских народов по данным языка // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009. С. 473—482. {*Dybo A. V. Rannie kontakty t'urkskix narodov po dannym jazyka // Adaptacija narodov i kul'tur k izmenenijam prirodnoj sredy, social'num i tehnogenным transformacijam. M., 2009. P. 473—482.*}
- Дыбо 2010 — *Дыбо А. В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // Gedenk von E. A. Helimsky. Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 32/33. Hamburg, 2010. S. 83—132. {*Dybo A. V. Vokalizm rannet'urkskix zaimstvovanij v vengerskom // Gedenk von E. A. Helimsky. Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 32/33. Hamburg, 2010. S. 83—132.*}
- Дыбо 2011 — *Дыбо А. В.* Отражение болгарских палатализаций в болгаризмах венгерского языка // Материалы Международной тюркологической конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики» (Чебоксары, 15—18 сентября 2010 г.). Чебоксары, 2011. С. 1—16. {*Dybo A. V. Otrazhenie bulgarskix palatalizacij v bulgarizmax vengerskogo jazyka // Materialy Meždunarodnoj t'urkologičeskoj konferencii "Čuvaškij jazyk i sovremennye problemy altaistiki" (Čeboksary, 15—18 sent'abr'a 2010 g.). Čeboksary, 2011. P. 1—16.*}
- Исанбаев 1978 — *Исанбаев Н. И.* Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1978. С. 3—50. {*Isanbaev N. I. Leksiķo-semantičeskaja klassifikacija tatarskix zaimstvovanij v marijskom jazyke // Voprosy marijskogo jazyka. Joškar-Ola, 1978. P. 3—50.*}
- Исанбаев 1990 — *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Казань, 1990. {*Isanbaev N. I. Marijsko-t'urkskie jazykovye kontakty. Kazan', 1990.*}
- ИЭСОЯ — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1—5. М.—Л., 1958—1995. {*Abaev V. I. Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. Vol. 1—5. M.—L., 1958—1995.*}
- Лыткин 1967 — *Лыткин В. И.* О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967. С. 131—142. {*Lytkin V. I. O drevnet'urkskix elementax v leksike permskix jazykov // Voprosy finno-ugorskogo jazykoznanija. Vol. IV. Iževsk, 1967. P. 131—142.*}
- Миллер 1791 — *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. {*Miller G. F. Opisanie živuščix v Kazanskoj gubernii jazyčeskix narodov, jako to čeremis, čuvaš i vot'akov. SPb., 1791.*}
- Младенов 1941 — *Младенов С.* Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941. {*Mladenov S. Etimologičeski i pravopisen rečnik na b'lgarskija knižoven ezik. Sofija, 1941.*}
- Могильников 1997 — *Могильников В. А.* Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртыше // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997. С. 51—64. {*Mogil'nikov V. A. Pozdnesrednevekovye materialy iz kompleksa pam'atnikov u der. Okunevo v Tarskom Priirtyš'e // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. Vol. 1. T'umen', 1997. P. 51—64.*}
- МРС 1991 — *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991. {*Vasil'ev V. M., Savatkova A. A., Učaev Z. V. Marijsko-russkij slovar'. Joškar-Ola, 1991.*}

- Мудрак 1994 — *Мудрак О. А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1994. {*Mudrak O. A. Obosoblennij jazyk i problema rekonstrukcii prajazyka. Diss. ... dokt. filol. nauk. M., 1994.*}
- Мудрак 2005 — *Мудрак О. А.* Заметки о языке и культуре дунайских болгар // *Аспекты компаративистики*. Вып. 1. М., 2005. С. 83—106. {*Mudrak O. A. Zametki o jazyke i kul'ture dunajskix bulgar // Aspekty komparativistiki. Vol. 1. M., 2005. P. 83—106.*}
- Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. {*Normanskaja Ju. V. Rekonstrukcija prafinno-volžskogo udarenija. M., 2008.*}
- Норманская, Дыбо 2010 — *Норманская Ю. В., Дыбо А. В.* Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках. М., 2010. {*Normanskaja Ju. V., Dybo A. V. Tezaurus: Leksika prirodnogo okruženija v ural'skix jazykax. M., 2010.*}
- Нуриева 2012 — *Нуриева Ф. Ш.* Фонетическая характеристика памятников золотоордынского цикла (на примере графического соответствия Алиф и Алиф йай) // В. В. Радлов и духовная культура тюркских народов. Сборник трудов I Международной интернет-конференции. Казань, 2012. С. 142—146. {*Nurieva F. Š. Fonetičeskaja karakteristika pam'atnikov zolotoordynskogo cikla (na primere grafičeskogo sootvetstvija Alif i Alif jaj) // V. V. Radlov i duhovnaja kul'tura t'urkskix narodov. Sbornik trudov I Meždunarodnoj internet-konferencii. Kazan', 2012. P. 142—146.*}
- ОСНЯ — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1—3. М., 1971—1984. {*Illič-Svityč V. M. Opyt sravnenija nostratičeskix jazykov. Vol. 1—3. M., 1971—1984.*}
- ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания / Ред. *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К. М.*, 1976. {*Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija / Ed. Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Redei K. M., 1976.*}
- Пекарский — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1—3. М., 1958—1959. {*Pekarskij E. K. Slovar' jakutskogo jazyka. Vol. 1—3. M., 1958—1959.*}
- Райнхарт 2006 — *Райнхарт Й.* Древнерусское *коуригъ* 'шафер, дружка': заимствование из протоболгарского языка // *Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике: К 70-летию Ж. Ж. Варбот.* М., 2006. С. 307—317. {*Rajnhart J. Drevnerusskoe kourig" 'šafer, družka': zaimstvovanie iz protobulgarskogo jazyka // Ad fontes verborum. Issledovanija po etimologii i istoričeskoi semantike: K 70-letiju Ž. Ž. Varbot. M., 2006. P. 307—317.*}
- СГКАУР — Словарь говоров Кош-Агацкого и Улаганского районов / Сост. *Тыдыкова Н. Н.* Горно-Алтайск, 2006. {*Slovar' govorov Koš-Agačskogo i Ulaganskogo rajonov / Sost. Tydykova N. N. Gorno-Altajsk, 2006.*}
- СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2000. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Ed. Tenišev E. R. M., 2000.*}
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2002. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Ed. Tenišev E. R. M., 2002.*}
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* М., 2006. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Ed. Tenišev E. R., Dybo A. V. M., 2006.*}
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912. {*Sreznevskij I. I. Materialy dl'a slovar'a drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pam'atnikam. Vol. 1—3. SPb., 1893—1912.*}
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1—43. Л. (СПб.), 1965—2010. {*Slovar' ruskix narodnyx govorov. Vol. 1—43. L. (SPb.), 1965—2010.*}
- СРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1—28. М., 1975—2008. {*Slovar' russkogo jazyka XI—XVII vv. Vol. 1—28. M., 1975—2008.*}
- Тараканов 1993 — *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1993. {*Tarakanov I. V. Zaimstvovannaja leksika v udmurtskom jazyke: Udmurtsko-t'urkskie jazykovye kontakty. Iževsk, 1993.*}
- Тараканов 2012 — *Тараканов И. В.* К истории изучения удмуртско-тюркских языковых контактов // *Вестник удмуртского университета.* 2012, 2. С. 23—31. {*Tarakanov I. V. K istorii izučenija udmurtsko-t'urkskix jazykovyx kontaktov // Vestnik udmurtskogo universiteta. 2012, 2. P. 23—31.*}
- ТССДАЯ — Толковый словарь северных диалектов алтайского языка / Ред. *Дьайым Н. А.* Горно-Алтайск, 2004. {*Tolkovuj slovar' severnyx dialektov altajskogo jazyka / Ed. D'ajym N. A. Gorno-Altajsk, 2004.*}
- Тумашева 1992 — *Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. {*Tumaševa D. G. Slovar' dialektov sibirskix tatar. Kazan', 1992.*}
- Тумашева 1997 — *Тумашева Д. Г.* Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар. Тюмень, 1997. {*Tumaševa D. G. Jazyk sibirskix (tobolo-irtyšskix) tatar. T'umen', 1997.*}
- Тумашева 2010 — *Тумашева Д. Г.* Диалекты языка сибирских татар // *Диалекты тюркских языков: Очерки.* М., 2010. С. 284—320. {*Tumaševa D. G. Dialekty jazyka sibirskix tatar // Dialekty t'urkskix jazykov: Očerki. M., 2010. P. 284—320.*}

Тумашева, Насибуллина 2000 — *Тумашева Д. Г., Насибуллина А. Х.* Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень, 2000. {*Tumaševa D. G., Nasibullina A. X. Slovar' dialektnoj leksiki tatarskix govorov T'umenskoj oblasti. T'umen', 2000.*}

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973. {*Fasmer M. Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Vol. 1—4. M., 1964—1973.*}

Федотов 1965 — *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 1. Чувашско-марийские связи / Отв. ред. *Баскаков Н. А.* Чебоксары, 1965. {*Fedotov M. R. Istoričeskie sv'azi čuvaškogo jazyka s jazykami ugro-finnov Povolž'ja i Permi. Part 1. Čuvaško-marijskie sv'azi / Ed. Baskakov N. A. Čeboksary, 1965.*}

Федотов 1967 — *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими языками. Чебоксары, 1967. {*Fedotov M. R. Istoričeskie sv'azi čuvaškogo jazyka s volžskimi i permskimi jazykami. Čeboksary, 1967.*}

Федотов 1968 — *Федотов М. Р.* Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам // Советское финно-угроведение. 1968, 1. С. 53—66. {*Fedotov M. R. Bulgarskij jazyk i ego otnošenje k nekotorym finno-ugorskim jazykam // Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1968, 1. P. 53—66.*}

Федотов 1969 — *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские связи в историческом освещении. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Чебоксары, 1969. {*Fedotov M. R. Čuvaško-marijskie sv'azi v istoričeskom osveščeni. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Čeboksary, 1969.*}

Федотов 1978 — *Федотов М. Р.* Отношение чувашского и общетюркского языков с языком хазар, дунайских и волжских болгар и финно-угров // Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. 1978, 6. С. 3—40. {*Fedotov M. R. Otnošenje čuvaškogo i obščet'urkskogo jazykov s jazykom hazar, dunajskix i volžskix bulgar i finno-ugrov // Učenyje zapiski NII jazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete ministrov Čuvaškoj ASSR. 1978, 6. P. 3—40.*}

Феоктистов 1965 — *Феоктистов А. П.* К вопросу мордовско-тюркских языковых контактов // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 331—352. {*Feoktistov A. P. K voprosu mordovsko-t'urkskix jazykovyx kontaktov // Etnogenez mordovskogo naroda. Saransk, 1965. P. 331—352.*}

Хелимский 1979 — *Хелимский Е. А.* Чередование долгот, консонантный ауслат и ударение в истории венгерских именных основ // *Balkanica: Lingvističeskie issledovanija. M., 1979. С. 118—133.* {*Xelimskij E. A. Čeredovanie dolgots, konsonantnyj auslaut i udarenie v istorii vengerskix imennyx osnov // Balkanica: Lingvističeskie issledovanija. M., 1979.*}

Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 416—432.* {*Xelimskij E. A. Vengerskij jazyk kak istočnik dl'a praslav'anskoj rekonstrukcii i rekonstrukcii slav'anskogo jazyka Panonii // Komparativistika, uralistika: Lekcii i stat'ji. M., 2000. P. 416—432.*}

Шайхулов 1999 — *Шайхулов А. Г.* Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности. Уфа, 1999. {*Šajxulov A. G. Leksičeskie vzaimosv'azi kypčakskix jazykov Uralo-Povolž'ja v svete ix istoriko-kul'turnoj obščnosti. Ufa, 1999.*}

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Т. 1—38 / Ред. *Трубачев О. Н.* (1974—2002), *Журавлев А. Ф.* (2002—). М., 1974—2012 (издание продолжается). {*Etimologičeskij slovar' slav'anskix jazykov: Praslav'anskij leksičeskij fond. Vol. 1—38 / Ed. Trubačev O. N. (1974—2002), Žuravlev A. F. (2002—). M., 1974—2012 (izdanie prodolžaets'a).*}

ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevort'an E. V. Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na glasnye. M., 1974.*}

ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. {*Sevort'an E. V. Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "B". M., 1978.*}

ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М., 1980. {*Sevort'an E. V. Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "V", "G", "D". M., 1980.*}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «З», «Й» / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1989. {*Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "Ž", "Z", "J" / Avt. sl. st. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S. M., 1989.*}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. ст. *Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.* М., 1997. {*Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "K", "Q" / Avt. sl. st. Levitskaja L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. M., 1997.*}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. ст. *Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. М.*, 2000. {Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "Қ" / Avt. sl. st. *Levitskaja L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. M.*, 2000.}

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. ст. *Левитская Л. С., Благова Г. Ф., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А. М.*, 2003. {Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "L", "M", "N", "P", "S" / Avt. sl. st. *Levitskaja L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Poceluevskij E. A. M.*, 2003.}

ЭСТЯ VIII — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Т», «Х», «Ч» / Авт. сл. ст. *Левитская Л. С., Благова Г. Ф., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А.* Рукопись. {Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "T", "X", "Č" / Avt. sl. st. *Levitskaja L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Poceluevskij E. A.* Manuscript.}

ЭСЧЯ 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. {*Egorov V. G.* Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. Čeboksary, 1964.}

ЭСЧЯ 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. Vol. 1—2. Čeboksary, 1996.}

АН — *Caferoğlu A.* Abû-Hayyân: Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.

Beke 1914—1915 — *Beke Ö.* Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // *Keleti szemle*, 15. Budapest, 1914—1915. S. 1—77.

Beke 1933 — *Beke Ö.* Zu den tschuwassischen Lehnwörtern der tscheremissischen Sprache. Helsinki, 1933. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1933, 67.)

Beke 1935 — *Beke Ö.* Zur lautgeschichte der tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 23. Helsinki, 1935.

Benveniste 1966 — *Benveniste É.* Titres et noms propres en Iranien ancien. Paris, 1966.

Bereczki 1992 — *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte — I. Szeged, 1992. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1992, 34.)

Bereczki 1994 — *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte — II. Szeged, 1994. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1994, 35.)

Bläsing 2002 — *Bläsing U.* Pflanzennamen im Kumükischen // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2002, 7. S. 7—44.

Collinder 1960 — *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.

DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.

Doerfer 1988 — *Doerfer G.* Zetacism / Sigmatism plays no Rôle! // *Central Asiatic Journal*. 1988, 32. P. 61—63.

Donner 1924 — *Donner K.* Zu den ältesten Berührungen zwischen Samojuden und Turken // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 40. Helsinki, 1924. S. 1—24.

Dybo 2010 — *Dybo A.* Bulgars and Slavs: Phonetic features in early loanwords // *Studies on the Turkic World. Festschrift in honour of Stanisław Stachowski* / Ed. *Mańczak-Wohlfeld E., Podolak B.* Kraków, 2010. P. 21—40.

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Erdal 1993 — *Erdal M.* Die Sprache der wolgabulgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.

EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I—III / Hrsg. *Benkő L.* Budapest, 1993.

Fuchs 1937 — *Fuchs D. R.* Übereinstimmungen in den finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 24. Helsinki, 1937.

Gharib 1995 — *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995.

Gombocz 1908 — *Gombocz Z.* Honfoglaláseltti török jövevényszavaink. Budapest 1908.

Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 30.) Helsinki, 1912.

Helimski 2001 — *Helimski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // *Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen. In memoriam Hartmut Katz.* Wien, 2001. S. 55—76.

Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des Obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Honti 1999 — *Honti L.* Az Obi-Ugor Konzonantizmus Története. Szeged, 1999.

Houtsma 1894 — *Houtsma M. Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.

ИМ — 1) *Battal Aptullah.* Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) *Мелиоранский П. М.* Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900. 3) *Малов С. Е.* Ибн-Муханна о турецком языке // ЗКВ. Т. 3. Л., 1928. {1) *Battal Aptullah.* Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) *Melioranskij P. M.* Arab-filolog o tureckom jazyke. SPb., 1900. 3) *Malov S. E.* Ibn-Muxanna o tureckom jazyke // ZKV. Vol. 3. L., 1928.}

- Kannisto 1925 — *Kannisto A.* Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 17. Helsinki, 1925. S. 1—137.
- KMTL — *Korai Magyar Történeti Lexikon / Főszerk. Kristó Gy.* Budapest, 1994.
- Ligeti 1933 — *Ligeti L.* Régibb török jövevényaszavaink magyarázatához // *Magyar Nyelv*. 1933, 29. O. 218—221, 275—279.
- Ligeti 1977—1979 — *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. I—II. Budapest, 1977—1979.
- Ligeti 1981 — *Ligeti L.* Prolegomena to the Codex Cumanicus // *Codex Cumanicus / Ed. Kuun G.* Budapest, 1981. P. 1—54.
- Ligeti 1986 — *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban Budapest, 1986.
- MNyTESz — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I—III / Főszerk. Benkő L.* Budapest, 1967—1976.
- Moravcsik 1983 — *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Vol. 1—2. Leiden, 1983.
- Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Paasonen 1897 — *Paasonen H.* Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 15/2. Helsinki, 1897. S. 1—64.
- Paasonen 1902 — *Paasonen H.* Über die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 2. Helsinki, 1902. S. 81—137.
- Paasonen 1990—1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. I—IV. Helsinki, 1990—1996.
- Palló 1961 — *Palló Margit K.* Die Vertretung ung. *sz-* (*s-*) < türk. *j-* in den alten türkischen Lehnwörter der ungarischen Sprache // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1961, 33. S. 128—135.
- Pav. C. 1820 — *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. Paris, 1820.
- Pulleyblank 1962 — *Pulleyblank E. G.* The Consonantal System of Old Chinese // *AM*. 1962—1963, 9. P. 58—144, 206—265.
- Rachmati 1930 — *Rachmati G. R.* Zur Heilkunde der Uiguren. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1930.
- Ravila 1929 — *Ravila P.* Einige tatarische Lehnwörter des mordwinischen Forschungen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 21. Helsinki, 1929. S. 106—107.
- Räsänen 1920 — *Räsänen M.* Die tshuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920.
- Räsänen 1923 — *Räsänen M.* Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1923.
- Räsänen 1935 — *Räsänen M.* Türkische Lehnwörter in den permischen Sprachen und im Tscheremissischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 23. Helsinki, 1935. S. 103—107.
- Räsänen 1936 — *Räsänen M.* Der Wolga-bulgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 24. Helsinki, 1936. S. 190—201.
- Rédei, Róna-Tas 1983 — *Rédei K., Róna-Tas A.* Early Bulgarian loanwords in the Permian languages // *Acta Orientalia. Academiae Scientiarum Hungarica*. 1983, 37. P. 3—42.
- Róna-Tas 1988 — *Róna-Tas A.* Turkic influence on the Uralic languages // *The Uralic languages: Description, History and Foreign Influences / Ed. Sinor D.* Leiden, 1988. P. 742—780.
- Róna-Tas 2005a — *Róna-Tas A.* Néhány megjegyzés faneveinkről (Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, köris, mogyoró, tölgy) // *Magyar Nyelv*. Budapest, 2005. O. 419—438.
- Róna-Tas 2005b — *Róna-Tas A.* Turkic-Alanian-Hungarian Contacts // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005, 58. O. 205—213.
- Sangl. — *Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdī Xān / Introduction and Indices by sir Clauson G.* London, 1960.
- Sinor 1990 — *Sinor D.* Turkic *yer* 'ground, place, earth' — Chuvash *śer* — Hungarian *szér* // *Essays in Comparative Altaic Linguistics*. Bloomington, 1990. P. 329—335.
- Stachowski 1999 — *Stachowski M.* Uralistisch-türkologische Überlegungen zur Fledermaus // *SEC*. 1999, 4. S. 127—136.
- Strahlenberg 1730 — *Strahlenberg Ph. J.* Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730.
- TMN — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I—III. Wiesbaden, 1963—1967.
- Toivonen 1943—1944 — *Toivonen Y. H.* Türkische Lehnwörter im Ostjakischen // *Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomukset*, 52. Helsinki, 1943—1944. S. 3—20.
- UEW — *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.
- VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.
- Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. 1987, 21.)
- WOT — *Róna-Tas A., Berta A.* West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Wiesbaden, 2011.

РЕЗЮМЕ

В статье анализируются полные корпуса тюркских заимствований в мордовских, марийском, пермских и угорских языках. На основании зафиксированных консонантных и вокалических соответствий в этих заимствованиях для всех языков (кроме обско-угорских) удается выделить несколько этапов заимствования и в ряде случаев указать их абсолютную и относительную хронологию.

SUMMARY

In the article the full corpora of the Turkic borrowings in the Mordvin, Mari, Permic and Ugric languages were analyzed. Due to consonant and vowel correspondences in these loanwords it is possible to distinguish between several stages of loaning in the languages (except Ob-Ugric) and in some cases to specify the absolute and relative chronology.

Ключевые слова: татарский язык, чувашский язык, болгарский язык, мордовские языки, марийский язык, пермские языки, угорские языки, заимствования, хронология

Keywords: Tatar, Chuvash, Bulgar, Mordvin, Mari, Permic, Ugric, loanwords, chronology